

Аргун Р. О. Шанава А. Б.

**К.П. Патканов,
и его взгляд
на «древнюю историю Грузии»**

Из серии: Критические Заметки

Выпуск 1

СУХУМ 2014

К.П. Патканов (1833 – 1889 гг.)

**Извлечение посвящается светлой памяти ориенталиста
К.П. Патканова, внесшего неоценимый вклад в развитие
востоковедения и истории Кавказа.**

Несколько слов от авторов извлечения

Целью данного извлечения, является искреннее желание дать возможность, широкой массе интересующихся древней историей Кавказа, ознакомиться с редким материалом известного ориенталиста К.П. Патканова.

Представляемая нами работа К. Патканова, была извлечена из его капитального исследовательского труда, «Ванские надписи и значение их для истории передней Азии». Данная работа, была напечатана отдельными статьями на страницах «Журнала Министерства Народного Просвещения», в номерах за 1874, 1875, 1881 и 1883 года. В декабрьском номере (№12) «Журнала...», за 1883 г., К. Патканов поместил критический разбор древней истории Грузии, которая вызвала много споров среди ученых и исследователей древнейшей истории Кавказа. Статья называется «О древней грузинской хронике», она является последней главой «Ванских надписей...». В ней, К. Патканов, подвергает серьезному разбору и критике исторический период Грузии, от Ноя до Р. Х., сравнивая его с содержанием Армянской Хроники, являющейся переводом древнегрузинской исторической хроники. Говоря о критике вокруг этой работы, особенно следует отметить, недовольство грузинского поэта и публициста, князя И.Г. Чавчавадзе, который выплеснул свою безосновательную критику, в адрес К. Патканова, на страницы своей книги «Армянские ученые и вопиющие камни». Данная книга, сначала печаталась частями в газете «Иверия», а затем была издана на русском языке Алексеевым-Месхиевым, в Тифлисе, в 1902 г. В ней, И.Г. Чавчавадзе, обвинял армянских ученых в фальсификации истории Грузии, по его словам их цель заключалась в «унижении грузин и их истории в глазах всего цивилизованного мира». Заметим, что по непонятным причинам, к числу армянских ученых, грузинский поэт отнес и О.И. Сенковского, В. Гольмстрема, французского корреспондента Кутула, акад. Н.Я. Марра, В. Ланглуа.

В «вопиющих камнях», о К. Патканове, И.Г. Чавчавадзе пишет: «Патканов, упразднил грузинскую «Картлис Цховреба», изорвал эту историческую летопись, клочки бросил грузинам в лицо, опорчил престиж грузин, оповестив мир, будто неуч и невежественный армянин, т.е. последний из них, стоял умственно выше грузин даже в период духовного развития Грузии, и взвел на грузин обвинение в фанатизме; отрицал древнейшее более широкое расселение грузин и присваивал армянам те

провинции, которые всегда входили в состав Грузии и чтобы все это доказать, не останавливался перед фальсификацией, бесцеремонными искажениями истории и другими проделками» (См. подробно И.Г. Чавчавадзе «Армянские ученые и вопиющие камни» в переводе Алексеева-Месхиева. Тифлис. 1902 г. стр. 19 – 27. Также подробно можно ознакомиться с критикой И.Г. Чавчавадзе, в адрес других ученых, в работе Х.А. Вермишева, «Материалы для истории грузино-армянских отношений», С-Петербург, 1904 г.). Д. Бакрадзе, в работе «Профессор Патканов и грузинские источники», пишет: «Общепризнанные факты грузинской истории г. Патканов или замалчивает, или если и приводит, то в искаженном виде, чтобы набросить тень, как на исторические памятники грузин, так и на права наших предков». Но как выясняется из исследовательских сравнений, проведенных Х.А. Вермишевым, И.Г. Чавчавадзе, впрочем, как и Д. Бакрадзе, обвиняя К. Патканова в фальсификации истории, не только не обосновывают свои замечания, но и интерпретируют его высказывания. Ознакомившись с указанными выше работами, мы можем сказать, что уже с начала XX в. мы видим как прочно в грузинских исторических изданиях, авторы прибегают к фальсификации, и интерпретации исторических фактов и событий, в чем собственно, обвиняют других. Эта тенденция, к большому сожалению, наблюдается и сегодня в развитии грузинской исторической науки, где в особом приоритете рассматривается грузинская версия истории Абхазии.

Современная историография Грузии, рассказывает нам, в очень яркой и красочной форме, свою историю от времен Ноя и до наших дней. Период истории до Р.Х., как говорит К. Патканов, был в большей степени выдуман, и это утверждение он обосновывает многочисленными примерами, с которыми нельзя не согласиться. Вот что говорит сам К. Патканов на этот счет: «Цель наша, между прочим, состоит и в том, чтобы доказать, что первая часть истории Грузии составлена не по преданию и известия в ней не носят баснословного характера, если под баснословием понимать легенды о мифических временах Грузии; а просто вымышлена одним лицом с предвзятой целью. Если бы она заключала в себе действительные предания о древности грузинской, то историческая ее ценность была бы другая».

Работа К. Патканова, очень ценный источник для всех интересующихся древней историей Грузии, и в первую очередь для историков. Очень часто, в работах абхазских историков мы видим ссылки на грузинский свод летописей «Картлис Цховреба», который считается ценным источником, содержащим немало информации касательно истории Абхазии. Конечно,

когда мы находим материал, помогающий нам заполнить пустоты в своей истории, мы можем говорить, что этот источник достаточно ценен, но говоря о ценности выборочных эпизодов, мы исключаем возможность оценить его в целом. Критический разбор древней истории Грузии, проделанный К. Паткановым, дает нам возможность провести исследование не только самой древней истории, но и отдельных исторических личностей, а также самого свода летописей. Истории известны многочисленные списки «Картлис Цховреба», представим некоторые из них: Список царицы Марии, Список Академии Наук в Петрограде, Список Румянцевского музея в Москве, Список князя Мингрельского, Список Тифлиского Церковного музея Грузинского духовенства, а также Баратовский, Палавандовский списки, список Броссе, список Католикоса Антония II и др. Сюда следует прибавить и Список царицы Анны, Чалашвилиевский и Мачабелевский списки и еще ряд так называемых «Списков Картлис Цховреба». Грузинские историки постоянно ссылаются на те, или иные списки, используя их в качестве источника, при разборе исторических событий прошлого. Но что из себя представляют все эти списки? Вопрос очень занимательный! Источник, именуемый «Картлис Цховреба», в частности его исторический материал до 1125 г., представляет собой, как мы думаем, компиляцию Армянской Хроники, или Армянского перевода древней грузинской летописи, последующие списки которой, прерывается на недописанном слове. Очень странный факт! Не говорит ли это о том, что в действительности, Армянская Хроника, которая считается единственным на сегодняшний день сохранившимся протографом древнегрузинской хроники, лежит в основе многочисленных списков. Этот, очень важный момент, К. Патканов рассматривает при сравнении Армянской Хроники и Вахтанговских Аннал. И хотя, К. Патканов допускает, что Вахтанг мог использовать грузинский оригинал хроники, а не ее перевод, т.е. Армянскую Хронику, мы видим, как исторический материал обрабатывается и редактируется. Как известно, Вахтанг и его «комиссия ученых мужей», собрав все, что они могли найти касательно истории Грузии (церковные записи, грамоты, хартии и т.д.), составили «историю» своей страны. Но и в этой «истории», она обрывается на том же слове, что и Армянская Хроника. К тому же, в результате сравнения, К. Патканов выясняет, что 381 страница «истории» Вахтанга, по своему содержанию, не дает больше информации, чем 60 страниц Армянской Хроники. Но 60 страниц Армянской Хроники, было мало для истории целого государства, и, комиссия Вахтанга, во главе Бери Игнатишвили, увеличила их до 381 страницы, что, собственно, не придало ей большей ценности. По

этому поводу у К. Патканова есть очень примечательное сообщение: «Поэтому у каждого читателя Вахтанговых Аннал может невольно возникнуть (что и бывало) сомнение, действительно ли когда-нибудь существовала древняя грузинская летопись, и не выдумал ли ее Вахтанг для предания большей авторитетности своим Анналам». Приданный объем «истории», без какой-либо хронологии, в дальнейшем сокращает сын Вахтанга, царевич Вахушти Багратиони. В отличие от отца, Вахушти выставляет даты, но в обоих случаях, мы лишены конкретных источников, откуда авторы черпают информацию. Не вдаваясь в подробности, о которых будет говорить К. Патканов, мы лишь отметим, что рассматривая древнюю и средневековую историю Грузии, от Ноя и до 1125 г., в первую очередь необходимо ознакомиться с Армянской Хроникой, т.к. этот источник, по нашему мнению, является протографом если не всех, то большей части последующих списков «Картлис Цховреба».

Очень ценны сообщения К. Патканова, о такой личности грузинской историографии, как Вахтанг Горгосал. Эта личность, представлена нам, как одна из значимых фигур в истории Грузии. Вахтанг Горгосал, не только великий полководец и мудрый правитель, но и немислимой славы завоеватель. Его героическим подвигам, позавидовали бы герои греческой и римской мифологии. К. Патканов дает нам возможность взглянуть на Вахтанга Горгосала, в одном историческом событии, совсем с другой стороны. Ссылаясь на армянского писателя Лазаря, К. Патканов сообщает: «... в самом разгаре войны, Грузинский царь Вахтанг, вначале также теснимый Персами, обратился к Армянам за помощью. Ему послан был вспомогательный отряд. Во время происшедшего с Персами столкновения, Вахтанг со своими Грузинами трусливо бежал, предоставив Армян на произвол судьбы... Таков был Вахтанг исторический». Этот засвидетельствованный Лазарем факт, очень ценен, при рассмотрении периода истории Абхазии, где историография Грузии представляет нам Вахтанг Горгосала «покорителем» Западной Абхазии. Где исторические земли Абхазии от реки Келасур были сначала грузинскими землями, но после того как их захватили греки, Вахтанг, заключив брак с дочерью Императора Льва I Макелла (457 – 474 гг.) Еленой (?), снова получает их в качестве приданного. Если рассмотреть описанные события этого периода в летописи Джуаншера «Жизнь Вахтанга Горгосала», с учетом свидетельств Лазаря, то мы можем основательно усомниться во всех его деяниях. Следовательно, все, что относится к истории Абхазии периода Вахтанга Горгосала в этой летописи, не есть исторический факт. Здесь же заметим, что не только

К. Патканов, но и многие другие ученые, в том числе и абхазские (Е.К. Аджинджал, А.Л. Папаскир), настоятельно рекомендуют, прежде чем ссылаться на грузинские летописи, убедиться в их достоверности в сторонних источниках. Так, например, без критического анализа и оценки «Картлис Цховреба», авторы книги «История Абхазии» выпущенной в 2007 г., в описании событий Анакопийского сражения и его последствий для Абхазии, ссылаются на летопись Джуаншера. Мы же считаем, что необходимо коренным образом пересмотреть это «историческое событие»! Т.к. при детальном исследовании, единственного, оригинального источника – летопись Джуаншера «Жизнь Вахтанга Горгосала», складывается совсем другая картина, нежели представляет нам грузинская историография. Выходит, что ни само Анакопийское сражение, ни его последствия, по-разному описанные как в истории Абхазии, так и в истории Грузии, не имели место в 30-х годах VIII в. Также, большим сомнениям, подвергается существование Леона I, который фигурирует во время и после Анакопийского сражения. Об этом в свое время, абсолютно справедливо говорили К.Д. Кудрявцев, и академик С.Н. Джанашия, мнение которых, и по сей день, ни каким образом не рассматривается. Что же касается указанного события, то оно должным образом не исследовалось, а представленная, в летописи Джуаншера информация, настолько противоречива, что мы не можем для себя найти объяснения, как авторы «Истории Абхазии» не заметили этих противоречий. Напрашивается очевидный вывод, что события Анакопийского сражения и его последствия для Абхазии, были просто скопированы авторами, что вызывает еще большее недоумение.

К. Патканов, исследуя Армянскую Хронику, приходит к заключению, что она была написана между XI и XIII в. армянским монахом, причем малопросвещенным. И она была написана на основе существовавшей ранее, но не сохранившейся «Грузинской Хроники». Несмотря на то, что история Грузии до Р. Х., описанная в Армянской Хронике, носит баснословный, а порой и вымышленный характер, К. Патканов о целях ее написания говорит: «Анонимный автор Хроники жил в XI – XII в. по Р. Х. и написал свою летопись, частью чтобы создать грузинскую историю, недостаток которой в то время сильно чувствовался в народе, но, главным образом, с целью возвеличить царствовавший в Грузии род Багратидов и придать их правам историческую санкцию». Армянская Хроника, была частично переведена К. Паткановым на русский язык, в частности ее древняя часть, используемая в извлеченной нами работе. Также она была переведена на французский язык М. Броссе, в приложении к французскому переводу «Картлис Цховреба».

Существует мнение, что Армянская Хроника это всего лишь сокращенный перевод «Грузинской Хроники», но чтобы это доказать, необходимо найти оригинал, который подтвердил бы это. И мы не удивимся, если в ближайшее время, грузинские историки случайным образом найдут ее и заявят об этом на весь мир. А пока нет оригинала, будем ссылаться на Армянскую Хронику как на протограф древнегрузинской истории до 1125 г.

Что же касается проделанной нами работы, то она, во время извлечения текста, большей частью сводилась к адаптации некоторых слов свойственных текстам XIX века. В частности это замена слов, написание которых в орфографическом отношении отличается от сегодняшних аналогов. Например, нами были заменены следующие слова: низходящий на нисходящий, разказ на рассказ, то-есть, которое писалось через дефис, на то есть, исследовать на исследовать, расселение на расселение, когда-нибудь, на пишущееся сегодня через дефис когда-нибудь, и т.д. А также мы избавили текст от старославянского «Ять» (Ѣ), который в России оставался в употреблении до реформы русской орфографии в 1918 году, хотя уже к концу XIX столетия в подавляющем большинстве великорусских диалектов его произношение практически не отличалось от произношения гласной «е». Из окончаний слов, мы убрали «Еры» (Ѣ), который ставился после согласных, и «І», заменили, на соответствующую ей букву «И». Текст, в том виде, в котором он был записан в оригинале, по большому счету не затруднял бы чтение, но извлечение его намного усложняло процесс работы, поэтому нами было решено, по возможности привести его в современный вид. И это не в какой степени не изменило содержание текста оригинала. В тексте, для возможности цитировать оригинал, мы, специально для этого сохранили нумерацию страниц, соответственно его источнику.

Несмотря на столь значительный вклад в развитие востоковедения и не только, нам удалось собрать совсем немного сведений о жизни и деятельности К. Патканова. Из всей этой информация, мы составили биографию, из которой читателю будет достаточно ясно, насколько ярким, талантливым и, безусловно, трудолюбивым в отношении к науке, был К.П. Патканов.

Биография К. Патканова

Его многогранная деятельность как ученого-востоковеда, поэта, переводчика, цензора и университетского преподавателя оказала определенное влияние на развитие армянской историко-филологической науки и литературы.

Керопэ Петрович Патканов (Патканян) – ориенталист, специалист по армянским историческим источникам армянской филологии, литературы и истории, член-корреспондент Академии наук России, профессор Петербургского университета. Родился К. Патканов 16 мая 1833 г. в Нахичевани-на-Дону, в православной семье Патканянов, имевшей устоявшиеся культурные традиции. Характерной чертой рода Патканянов было их бескорыстное служение интересам нации. К. Патканов происходил из армянского рода, давшего много выдающихся лиц на поприще литературной и общественной деятельности. Предок К. Патканова, Тер-Петрос Минасиб был священником армянской церкви в Константинополе (1678-1744 гг.). Сын Минасиба, Петрос, тоже был священник, а также член национального совета при патриархе, знаток арабского и турецкого языков. Он дал хорошее образование своим детям, из которых Михаил, женившийся на дочери богатого итальянца Рестэна и унаследовавший его фамилию, прославился своим трехтомным «Врачебником Рестэн». А Серафим с детства предназначался к поступлению в монахи ордена Мхитаристов в Венеции, но, не имея склонности к такой деятельности, переехал в Россию, был учителем в Астрахани, сочинял песни, изданные впоследствии под заглавием «Песни Серовпе Варжапета Патканьяна». Из сыновей Серафима особенной известностью пользуется Гавриил, магистр богословия и армянской словесности, проповедник, редактор-издатель журнала «Арарат», отец популярнейшего и талантливого армянского поэта Рафаэла Патканяна. Другой сын Серафима, Петр, отец Патканова, был священник, энергичный проповедник христианской религии между армянами, жившими среди черкес и утратившими христианство: он учредил школу в Армавире. Мать Патканова, была дочь Аламдаряна, известного составителя «Российско-армянского словаря» (1821 г.) и деятельного сотрудника католикоса Нерсеса Аштаракского в деле учреждения духовной семинарии в Тифлисе.

Первоначальное образование К. Патканов получил в Ставропольской гимназии (1841 г.), откуда перешел в Московский Лазаревский институт

восточных языков, на стипендию Санкт-Петербургской армянской церкви, где был сначала преподавателем, потом профессором университета. Жесткие правила, в институте, которые были характерны и для других учебных заведений, толкнули его к побегу. Но побег не удался, и он был возвращен в институт. В период обучения в Лазаревском институте между К. Паткановым и инспектором – крупным ученым-арменистом и педагогом Н. Эмином – начались расхождения по поводу природы и методов изучения армянского языка. Это, прежде всего, относилось к заостренному древнеармянскому языку «грабару», который, по мнению К. Патканова, должен был уступить место новоармянскому языку «ашхарабару». В институте он впервые встретился со своим двоюродным братом Рафаэлем Патканяном. Духовная близость способствовала возникновению между ними крепкой дружбы, которая продолжалась до конца жизни. По окончании курса, К. Патканов пробыл в Лазаревском институте еще некоторое время на камеральном факультете Дерпского университета (19 января 1851 г.), причем успел изучить немецкий язык и настолько пристраститься к немецкой литературе, что стал делать переводы сочинений Гете, Шиллера и др. классиков. В университете он сразу обратил на себя внимание студенчества и преподавателей как юноша, обладавший удивительной памятью, с легкостью усваивавший предметы. В годы пребывания в Дерптском университете К. Патканов отличался радикализмом, «высмеивал консерваторов и создавал новые идеалы для переустройства жизни». Образ мыслей К. Патканова стал известен в Петербурге, и за это его лишили стипендии. Он был вынужден покинуть университет. Все армянское студенчество, а также студенты – русские и немецкие – провожали К. Патканова шумно, с песнями. Во время прощания он исполнил перед товарищами свою новую песню «Прощание студентов». В 1852 г. возвратился в Ставрополь и поступил в выпускной класс Ставропольской мужской гимназии, с целью получить право на продолжение образования в одном из высших учебных заведений России. В статье «О сатире и сатирах Кантемира», опубликованной в 1853 году во втором номере «Ставропольских губернских ведомостей», К. Патканов пишет: «Мнение есть наказание, которым общество клеймит нарушителей своих обыкновений. Оно часто высказывается в насмешке... Никакие философские доводы не убеждают людей в их пороках и заблуждениях в той мере, как насмешка... Дело сатирика состоит в том, чтобы заметить главный недостаток времени и проследить его всею силою остроумия, всею энергию души». Сатира, по мнению К. Патканова, полезна не столько для исправления уже зараженных, сколько для предохранения юного,

неопытного поколения от пороков, грубых предрассудков и упорства предшественников.

В 1853 г. К. Патканов успешно заканчивает выпускной класс Ставрапольской мужской гимназии и поступает на историко-филологический факультет Петербургского Главного педагогического факультета, в котором изучает русскую, французскую, немецкую, английскую и итальянскую литературу. В эту раннюю пору студенческой жизни К. Патканова проявилась его поэтическая натура. Он сочинял много песен и стихотворений, которые по новизне своей быстро получили широкое распространение среди учащейся армянской молодежи. Изящны, в особенности, стихотворение «Верджин Вард» - Последняя Роза, посвященное К. Паткановым своей жене, когда она была невестой, и стихотворение «Не для меня придет весна». С будущей женой, К. Патканов познакомился в доме коммерсанта и общественного деятеля А.Д. Акимова, где давал уроки армянского языка его детям. В 1857 году они поженились и жили в имении Сосновка. По окончании университета К. Патканов преподавал русскую словесность в Тифлисском Закавказском девичьем институте. В 1859 г. возвратился в Петербург и посвятил себя изучению всеобщей истории и лингвистики. Круг его исследований расширяется, и он приступает к изучению истории Армении. К. Патканов, заинтересовывается всеобщей историей настолько, что в 1860 г. едет за границу с целью – ознакомиться с библиотеками Венеции, Мюнхена, Парижа и Вены. В этом году, К. Патканов помещает в «Записках Императорской Академии Наук» статью под названием «Catalogue de la literature Armenienne depuis le commencement du IV-eme siecle jusque vers le milieu du XVII». В 1861 г. С-Петербургский университет назначил К. Патканова адъюнктом по кафедре армянской словесности, а далее экстраординарным, а следующем году – ординарным профессором. В 1863 г. К. Патканов, получил степень магистра восточной словесности за диссертацию «Опыт истории династии Сасанидов по сведениям армянских источников», а в 1864 году – степень доктора армянской словесности за «Исследование о составе армянского языка». Более самостоятельным был К. Патканов в исследованиях армянских диалектов, составляющих выдающуюся черту в его научной деятельности. После известного труда Ю. Ахвердова «О Тифлисском наречии» (1852 г.), К. Патканов, можно сказать, раскрыл малоизвестную область, непочатый угол в армянской филологии, именно – недоступный западным арменистам областные наречия, изучение которых было столь важно как для древне-армянского языка, так и вообще для лингвистических сравнений с другими

родственными языками. Сверх одной статьи в «*Monatsberichte der Berliner Academie*» за 1865 г. об одном из диалектов, самом трудном и считающемся загадочным – о «диалекте Акулиссском», он, спустя четыре года издал на русском языке, в виде опыта образцы всех известных тогда армянских диалектов с текстами и необходимыми грамматическими пояснениями – «Исследование о диалектах армянского языка, филологический опыт» (СПб., 1869 г.). Затем два отдельных выпуска посвященных каждый особому наречию: Выпуск № 1 – «Нахичеванский говор», Выпуск № 2 – «Мушское наречие». Оба выпуска были снабжены богатым материалом текстов и необходимым глоссарием и появились в 1875 г. Правда, предложенный К. Паткановым план изданий не был выполнен окончательно, но и тем, что было издано, он во многом способствовал разработке армянских диалектов, последующих, талантливых исследователей. С этого времени начинается неутомимая научная работа по изучению армянского языка, истории, литературы и географии Армении и вообще Востока. Основываясь на научных исследованиях арменистов того времени – Легарда, Фр. Мюллера и Huebschmann, он в конце 70-х годов написал значительный труд: «О месте, занимаемом армянским языком в кругу индоевропейских».

Более обширны труды К. Патканова по истории. Все разнообразные его исторические издания, переводы и исследования имеют в виду одну цель: утилизировать массу исторического материала, сообщаемого армянскими писателями, начиная с V по XVII и XVIII вв. нашей эры, о народах, с которыми армяне приходили в столкновение: с персами, грузинами, Византией, арабами, монголами и др. Как исследователь, интересующийся прошлыми судьбами народов Передней Азии, К. Патканов, выбирает из армянских исторических произведений именно те, которые чем-нибудь служат к пояснению темных страниц или пополнению пробелов в истории упомянутых народов. С этой целью он, как говорилось выше, в 1861 г. принимается за «Опыт истории династии Сасанидов по армянским источникам». В предисловии к «Опыту», К. Патканов, не отрицает важности греческих и арабских писателей по истории Сасанидов, вместе с тем находит, что в них немало пробела, хронологических неточностей и т.п., которые можно исправить на основании армянских источников.

Кроме занятий исторической литературой, К. Патканов положил много труда в области науки о языке. В 1873 г. на первом съезде ориенталистов К. Патканов сделал сообщение об изучении армянского языка во Франции и Германии и о Ванских клинообразных надписях: «Ванские надписи и

значение их для истории передней Азии» («Журнал Министерства Народного Просвещения» 1874, 1875, 1881 и 1883 года и Отд. Отт. СПб. за 1881 г.). Занятия ассириологией и чтение клинообразных надписей принесло ему всеобщую известность. В труде «О клинообразных надписях Ванской системы, открытых в пределах России», изданном в Санкт-Петербурге в 1883 г., К. Патканов проявил замечательную тонкость, сметливость и остроумие в деле дешифровки клинописи. Он показал, какую пользу может принести древне-армянский язык для чтения клинообразных надписей, находимых в разных местах древней Армении.

Сознавая важность этих надписей для истории Передней Азии, - надписей, которые несмотря на многие попытки известных ученых, - оставались мало выясненными, К. Патканов задался целью познакомить русскую ученую публику с тем, что сделано было до того по этому вопросу на Западе. Он подробно говорит о клинописи, о ванских надписях и истории их дешифровки и затем, подвергнув обстоятельной критике, древнейший период армянской истории Моисея Хоренского, сравнивает эти данные с новейшими открытиями в области археологии и лингвистики. Открытия эти, явившись в данном случае в каменных документах Ниневии, Вана, Бегистана и произведших переворотов во всей древней истории Передней Азии, не могли, по верному замечанию К. Патканова, остаться без влияния на историю Армении. Но чтобы дать новым данным принадлежащее им место, следовало автору предварительно рассмотреть, имеют ли они прямую связь с тем, что рассказывалось помимо них. Выдающееся место этой критики, несомненно, составляет весьма детальный и обстоятельный разбор одного из важнейших источников М. Хоренского по древнейшей истории Армении, Мар-Абаса. Последний из достоверного, по уверению Хоренского, придворного историка при первом армянском Аршакиде, Вахаршаке, II в. до н.э., отодвинут, в исследовании К. Патканова, к III – IV в. по Р. Х., а приписывавшаяся ему подлинная история Армении, якобы извлеченная из Ниневийского архива и переведенная на греческий язык, по приказанию Александра Македонского – сведена на степень сборника армянских и сирийских преданий связанных в одно целое по образцу ассирийской истории Ктезия.

Под общим заглавием «Ванских надписей и значение их для истории Передней Азии» К. Патканов, сверх вышеуказанного, напечатал в том же «Журнале Министерства Народного Просвещения» весьма интересную статью «О древней грузинской хронике», время появления которой он

старается определить между XI и XIII вв., приписывая составление ее армянину или человеку получившему образование в армянской школе. Нельзя не упомянуть здесь того обстоятельства, что К. Патканов, одновременно с составлением статей о «Ванских надписях», сам изучал клинопись, собирал надписи этой системы; он завел сношения с известнейшим английским кунеологом Сейсом, доставлял ему ново открываемые надписи, а Сейс, как известно, первый стал более или менее разбирать ванские надписи, воспользовавшись остроумными догадками покойного французского ученого Гюяра. О первых успехах дешифровки этой клинописи, также как и о надписях этой системы, найденных в пределах России, К. Патканов поместил любопытную статью в «Журнале Министерства Народного Просвещения» за 1883 г.

За два выпуска «Истории Монголов по армянским источникам», вышедших в свет в 1873 г., К. Патканов был награжден медалью от Археологического Общества. Его сочинения показывают, с какой серьезностью, ученым рвением и прилежанием он умел относиться к самым кропотливым вопросам. Например, для статьи «Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII веке» (СПб., 1873 г.), он предварительно изучил минералогию и ювелирное дело. Исследование К. Патканова об «Армянской географии VII века по Р. Х., приписывавшейся Моисею Хоренскому» (СПб., 1877 г.), обратило на него внимание ученого мира и удостоилось большой серебряной медали Археологического Общества. Занятие по истории Армении привели К. Патканова к изучению имеющей столь тесную с ней связь – географии, именно – он занялся переводом и объяснением известного географического трактата, приписываемого Хоренскому, и издал его вместе с армянским текстом в 1877 году под названием: «Армянская География VII в., приписывавшаяся М. Хоренскому». Помимо важности для географии Армении, трактат этот интересен и для географии Передней Азии вообще. «Я полагаю, - замечает, между прочим, К. Патканов, – что для изучения истории Передней Азии предстоит настоятельная необходимость пересмотреть старые сборники и сделать из армянских авторов новые извлечения географических данных. Одни греческие и мусульманские сведения далеко не удовлетворяют тем требованиям, которые представляются исследователю историей Передней Азии при разработке отдельных событий, требующих более точных и определенных сведений». Еще задолго до К. Патканова этот географический трактат был переведен на латинский и французский языки. Французский переводчик, С. Мартен, впервые заподозривший принадлежность этой

Географии Хоренскому, отнес ее к X веку; К. Патканов же, пользуясь лучшими позднейшими изданиями армянского текста, после остроумных догадок и соображений, приурочил географический трактат к VII в. и даже указал в лице, которое, по его мнению, могло быть его составителем; таковым был известный математик и астроном VII в., Анания Ширакаци.

Кроме указанных трудов, К. Патканов издал ряд важнейших армянских писателей – тексты и русские переводы, содержащие весьма любопытные данные по истории Византии, кавказских албанцев, арабов и др., с которыми армяне находились в таких же, как и с персами, или даже в еще более тесных сношениях. Таковы: Себеос (VII в.) – «История императора Иракла», заключающая в себе ценные данные о войнах Византии с Персией и участие в них армян (Абазги, также принимали участие в походах Иракла), о последних Сасанидах и появлении арабов; первый ее перевод на русский и вообще на европейский язык, был сделан К. Паткановым еще в 1862 г., а издание армянского текста с лучшей рукописи – им же в 1879 г. В 1862 г. была переведена и издана «История халифов» Гевонда (VII в.).

По языковедению, К. Патканов оставил много работ, среди которых особенно выдаются его докторская диссертация «Исследование о составе армянского языка» (СПб. 1864 г.) и «О месте, занимаемом армянским языком в кругу индоевропейских» (Тифлис, 1879 г.) и др. К. Патканов исполнял свои работы на русском языке, несмотря на то, что хорошо знал и другие языки. В «Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Ефрона», в период с 1861 по 1863 года К. Патканов помещал статьи по географии, истории и литературе армян.

В 1882 г. К. Патканов избран одним из редакторов журнала «*Museon*» в Лувене (Бельгия), а в 1885 г. за ученые труды, - членом-корреспондентом Императорской Академии Наук. К. Патканов принадлежал к ученым в самом строгом смысле слова и, благодаря своим трудам, занял место в ряду первых арменистов Европы.

Среди своих многочисленных учеников К. Патканов с особой симпатией отнесся к одному из одаренных студентов факультетов восточных языков Петербургского университета Н. Я. Марру, будущему академику. Он предложил ему остаться на два года при университете для подготовки по армяноведению. Н. Я. Марр, желавший стать кавказоведом, с радостью принял условия К. Патканова. В своих отношениях к ученикам К. Патканов был не только наставником, но и требовательным, принципиальным в научных вопросах учителем, не поощрявшим школярства. В 1898 году Н. Я.

Марр писал, что выработанная К. Паткановым программа по армянской словесности, «обязательная и поныне, обширна до невозможности». За выдающиеся заслуги в области восточной филологии К. Патканов, один из немногих представителей малых народов в условиях царской России, 7 декабря 1885 года был избран член-корреспондентом Академии наук по разряду восточной словесности отделения исторических наук и филологии (ОИФ). Еще 12 мая 1869 года на имя управляющего Государственным имуществом Ставропольской губернии в знак заслуг перед Отечеством поступило повеление: «Государь Император по ходатайству Великого Князя Наместника Кавказского всемилостивейшее соизволил пожаловать бывшим преподавателям местных языков, Кавказским воспитанникам профессору С.-Петербургского университета статскому советнику Чубинову и статским советникам доценту Патканову и профессору Лазаревского института восточных языков Назарьянцу за полезные труды их по означенному преподаванию, – в вечное и потомственное владение участка земли в размере первому 600. А последним двум по 400 десятин каждому из свободных казенных земель Ставропольской губернии, оставшихся после ногайцев...».

Профессорской деятельности К. Патканов не покидал до самой смерти. «Ни один исследователь судьбы арийских народов Азии», говорит профессор Н.И. Веселовский, «не может обойтись без трудов К. Патканова, отличавшегося добросовестным отношением к делу, критическим тактом». Многогранная деятельность Керопэ Патканяна как ученого-востоковеда, поэта, переводчика, цензора и университетского преподавателя оказала определенное влияние на развитие армянской историко-филологической науки и литературы. Большинство его трудов переведено на европейские языки. Жизнь К. Патканова оборвалась 2 апреля 1889 г. в Санкт-Петербурге. В прощальном слове Л. Загурский писал: «Еще несколько слов о покойном как о человеке. Все, имевшие с ним дело, отзываются о нем с величайшей похвалой; он был хорошим товарищем и хорошим знакомым: будучи чужд заносчивости, он действовал прямо, не прибегая к изворотливости, и оставил после себя хорошую память». К. Патканов умер именно в таком возрасте, когда, обогащенный познаниями и опытом предшествующей плодотворной деятельности, еще бодрый и крепкий – он мог быть особенно полезен науке. В лице К. Патканова наука потеряла не только ученого, занимавшего почетное место среди арменистов, но и весьма даровитого ориенталиста. Похоронен К. Патканов на армянском Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

Труды К.П. Патканова

Представим перечень наиболее важных трудов К. Патканова по языку истории и географии. Число написанных и изданных им произведений доходит до 40. Несмотря на это, трудно отметить хоть одну работу, в которой автор явился бы не стоящим на высоте изучаемого им предмета. Всякий научный вопрос исследовался детально, глубоко и объективно.

Catalogue de la literature Armenienne depuis le commencement du IV-eme siecle jusque vers le milieu du XVII. Записки Императорской Академии Наук. СПб., 1860 г.

История Агван Моисея Каганкатваца, писателя X века. Пер. на рус. яз., с примечаниями и приложениями. СПб., 1861 г.

Себеос. История императора Иракла. Перевод К. Патканова. СПб., 1862 г.

Гевонд. История халифов. Перевод К. Патканова. СПб., 1862 г.

Опыт истории Сасанидов по армянским источникам. Магистерская диссертация // Труды Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Ч. VIII. СПб., 1863 г.

Исследование о составе армянского языка. СПб., 1864 г.

Исследование о диалектах армянского языка, филологический опыт. СПб., 1869 г.

Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII в. СПб., 1873 г.

История Монголов по армянским источникам. Вып. 1-2. СПб., 1873 г.

Ванские надписи и значение их для истории передней Азии // ЖМНП. 1874, 1875, 1881 и 1883 гг. (отд. изд. СПб., 1881 г.)

Нахичеванский говор. СПб., 1875 г.

Мушское наречие. СПб., 1875 г.

О месте, занимаемом армянским языком в кругу индоевропейских // Известия Кавказского отделения Русского географического общества. 1879 г. Вып. 6 (отд. изд. Тифлис. 1879 г.)

Библиографический очерк армянской литературы. СПб., 1880 г.

О клинообразных надписях Ванской системы, открытых в пределах России. СПб., 1883 г.

Материалы для армянского словаря. Т. II. СПб., 1884 г.

Цыгане. Несколько слов о наречиях закавказских цыган - Бома и Караччи. СПб., 1887 г.

Армянская география VII в., по р. Х., приписываемая Моисею Хоренскому. СПб., 1887 г.

Библиографический очерк армянской исторической литературы. СПб., 1897 г.

Литература о К.П. Патканове

Н.О. Эмин. «Профессор К.П. Патканов как ориенталист». СПб., 1874 г.

«Исторический вестник» 1889 г. № 6. Некролог.

Ссылка на оригинал:

http://starienknigi.info/Knigi/P/Patkanov_K_Vanskie_nadpisi_i_znachenie_ih_dlya_ist_perednej_Azii_1874_1883_ZMNP.pdf

Данная ссылка открывает номера «Журналов Министерства Народного Просвещения» за 1874, 1875, 1881 и 1883 года, где работа К. Патканова находится в номере за 1883 г.

Аргун Р. О., Шанава А. Б.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАБРЬ.

1883.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССXXX.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Среди. Подъяч., № 1.
1883.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Вавскія надписи и значеніе ихъ для исторіи передней Азіи К. ПАТКАНОВА.
Пятистолѣтіе Зырянскаго края Г. ЛЫТКЕНА.
Италійскія надписи И. ЦВѢТАЕВА.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

- В. А. Жуковскій и его произведенія. II. *Запирна* . А. ГЛАХОВА.
O. Delarc. Les Normands en Italie. P. 1883 П. БЕЗОВРАЗОВА
Q. Horatii Flacci Carmina. Л. Миллера. С.-Пб. 1883. Г. ЗЕНГЕРА.
Статьи по Византии въ журналѣ «Аѳиней» Г. ДЕСТУННОА.
Народныя пѣсни съ Олимпа АЛ. ВЕСЕЛОВОАГО.
Учено-литературныя новости по классической филологіи.
Очерки западно-европейской исторіографіи П. ВИПОГРАДОВА.

Эстонское ученое общество въ Дерптѣ.

- Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній.
Н. Н. Мурзакевичъ (некрологъ).

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

(См. на 3-й стр. обертки).

ВАНСКІЯ НАДПИСИ И ЗНАЧЕНІЕ ИХЪ ДЛЯ ИСТОРИИ ПЕРЕД- НЕЙ АЗІИ.

О древней грузинской хроникѣ.

К.П. Патканов

«Ванские надписи и значение их для истории передней Азии»

О древней грузинской хронике

В последнее время в среде кунеологов¹ распространяется мнение о том, что язык Ванских надписей имеет очевидное сходство с грузинским языком не только в лексическом, но даже в грамматическом отношении. О таком мнении Фр. Ленормана мы говорили не раз. Вслед за тем Ст. Гюяр² и Сейс, открывшие новые пути в изучении Ванских надписей, также выразили твердую уверенность в родстве языка этих надписей с примитивным грузинским, а последний, кроме того, в конце обширных своих мемуаров³ обратился к грузинистам с просьбой исследовать, не находится ли нынешнее картвельское наречие в какой-либо связи с древним ванским. Предположение высказано, но для убеждения читателей, за исключением поверхностных сравнений некоторых грамматических окончаний, сделано, весьма мало, да и не могло быть сделано более в виду малого знакомства с грузинским языком тех, кто высказывал вышеприведенное мнение. Из этого предположения само собою вытекало другое, а именно – о распространенности в древнейшие времена Грузинского племени по всей территории Армении. Поборником

¹ Кунеологи – специалисты по изучению урартской клинописи.

² Les inscriptions de Van, by Melanges d Assyriologie par St. Guyard. Paris, 1883.

³ The caneiform inscriptions of Van, deciphered and translated by A. H. Sayce: Journal of Asiatic Society. Vol. XVI, part. III and IV.

последнего мнения, кроме Раулинсона и Ленормана⁴, **(199-ая страница оригинала)** является в последнее время также ученик покойного Дюлорье, г. Гатейриас. До сих пор г. Гатейриас известен несколькими лингвистическими статьями (в *Revue linguistique*) о грузинском языке, характер которого, как он говорит, им окончательно определен. Года два тому назад он поместил в «*Journal Asiatique*» французский перевод армянского жития св. Вагана Гохнийского. Недавно издано им популярное сочинение под заглавием: *L'Armenie et les Armeniens* (Paris, 1882, par J. Gatteyrrias). Г. Гатейриас не кунеолог и до своего убеждения он дошел путем лингвистическим. В последнем сочинении он говорит: «Армяне, при первом своем поселении в Армении, нашли, что страна от Вана и за равнины Арарата была населена автохтонами или другим, издавна поселившимся в ней народом, которого нынешние представители суть Грузины, а может быть также и Курды (?)... Только вследствие великих вторжений в середине века, Грузины отступили за Аракс, а жители Ути⁵ исчезли подобно Албанцам». В конце книги говорится: «При занятиях своих грузинским языком я убедился в первостепенной важности его для изучения армянского языка, и прежде, чем издать армянскую грамматику, мне хотелось бы окончательно определить, что в ней принадлежит грузинскому языку, – иначе грамматика будет лишена научного основания и метода». Оставив до времени в стороне вопрос о влиянии грузинского языка на армянский, мы примем только к сведению часто высказываемое предположение о более широком в древности расселении Грузинского племени – до Вана. В сущности, в этом предположении нет ничего невозможного. Островное положение грузинской расы, сдавленной со всех сторон, кроме запада позднейшими иммиграциями, более чем вероятное родство Грузин с древними Мосхами, собственные имена многих местностей в Армении и многие другие обстоятельства дают мнению о древней распространенности Грузинского племени по значительной части территории Армении некоторую вероятность. Но прежде чем решительно высказываться, в таком еще мало разработанном вопросе, следовало бы изучить предмет со всех сторон и вооружиться достаточным количеством положительных данных

В исторических памятках других народов мы нигде не встречаем известия, поддерживающего это предположение. Не мешает справиться и в грузинской литературе и поискать, не найдется ли в ней памятников,

⁴History of Herodotus, Lond. 1862, Vol VI, p. 203 – 206 : On the Alarodlious of Herodotus; Fr. Lenormant, *Lettres Assyriol. Deuxieme lettre*. Часть ССXXX., отд. 2.

⁵ По Иоанну Драсханакертци, жители Ути – это севорды, а севорды были гунами.

повествующих о древних судьбах (**конец 200 стр.**) Грузинов. В настоящее время существует у Грузин одно произведение этого рода – Летопись Грузии. Рассмотрим ее. Все сказанное нами (Ванские надписи, гл. 3) относительно способов составления первобытной истории Армении путем создания эпонимов по именам племен, городов, гор, рек и других местностей еще в большей мере приложимо к так называемой Древней Хронике Грузии, в которой некоторые ученые Вивьен де-Сен-Мартен, Броссе и др. желали видеть действительные древние предания, унаследованные потомками от предков и преданные впоследствии письму. Но при всем нашем уважении к памятникам народной старины, мы в Древней Хронике Грузии видим не более, как относительно новую, неудачную компиляцию, составленную неопытной рукою по известному шаблону. Содержание настоящей статьи имеет предметом подтвердить это наше мнение.

Географическое положение Грузии, занимающей большую часть северного Закавказья от восточного побережья Черного моря до впадения Алазани в Куру, настолько известно, что считаю лишним о нем распространяться. С незапамятных времен в пределах этой местности живет народ, называющий себя ныне Картвели (а страну свою Картли или Сакартвело), а у соседей известный под именем Вирк (к знаку множ.), Гурджи, Грузин. Древние называли страну Иверией, а народ Иверами. Что касается до происхождения этих имен, то о нем говорено и писано много, высказана масса более или менее остроумных предположений. Достаточно того, что мы знаем, какой народ подразумевается под этими различными названиями. Вопреки мнению некоторых ученых, мы из клинописных памятников не могли убедиться в том, чтобы ассирийские завоеватели когда-либо доходили до пределов Грузии. Правда, в них говорится о Касках, которых иные отождествляют с Колхами; но этот вопрос далеко еще нельзя считать решенным. Как в последствие при Сасанидах, так вероятно и при Ахеменидах, Грузия если не в виде настоящей провинции, то через своих отдельных правителей, находилась в вассальных отношениях к Персии. О таком отношении Колхов, если только это племя принадлежало к грузинской расе, – к Ахеменидах, сказано определенно у Геродота (III, 97; VII, 79), но о других соплеменниках их, живших на средней Куру, у него не упоминается. Исторические сведения о Грузии начинаются собственно со времени похода Помпея (за 65 лет до Р.Х.). Сами Грузины не сохранили (**конец 201 стр.**) никаких исторических памятников о первобытных временах своего существования. Точно также не дошло до нас ни одного из таких эпических сказаний, в которых народное творчество воссоздает свое прошлое на

основании поэтической правды. Все, что сохранилось о более древних эпохах истории Грузии, дошли до нас в случайных заметках Страбона, Плиния, Арриана и других о временах не ранее I века до Р.Х.; относительно же средних веков – у более древних византийских, армянских и арабских авторов. Исторические материалы, заключающиеся в грамотах царских и монастырских, не заходят за XI век по Р.Х.⁶ Между тем известно, что Грузины, если не все, то частью приняли христианство в IV – V веках, и уже вскоре после этого события имели свою национальную письменность. Чем объяснить при этих обстоятельствах полное отсутствие народной историографии о временах не только первобытных, но и вполне исторических? По нашему мнению, причина этого явления заключается отчасти в самом факте раннего принятия Грузинами христианства и в незначительном в то время развитии государственной жизни по всей территории, населенной грузинскими племенами. Сирийские, греческие и армянские монахи, содействовавшие распространению христианства в Грузинском народе, очевидно, придавали большее значение легендам о мученической жизни святых, чем народным сказаниям о языческих предках новообращенного народа. В Армении рвенению св. Григория Просветителя приписывают не только старание обречь забвению все совершившиеся в народе до его крещения, но и окончательное истребление памятников древних верований и дохристианской письменности Армян. Говоря о письменности, мы имеем, конечно, в виду не Месробовскую азбуку, изобретенную в начале V века, а употребление в письме алфавитов персидского, греческого и сирийского. Первые ревнители сильно опасались, чтобы новообращенная паства не впала снова в языческое заблуждение. Путем насильственного уничтожения всего, что могло напоминать народу, стоявшему не на высокой степени культурного развития, о его прошлом, они думали покончить с язычеством, – и не ошиблись. Нечто подобное могло случиться и в Грузии.

С другой стороны, народ грузинский долгое время едва ли сознавал (**конец 202 стр.**) общее происхождение разнообразных грузинских племен, и, будучи политически и территориально разделен на многие мелкие центры, недостаточно ясно представлял свое единство. При таких обстоятельствах могли существовать отдельные племенные сказания, которые при слиянии мелких групп в более крупные политические единицы теряли свое значение и утрачивались в памяти народной. К единовластию, и то не вся Грузия, а

⁶ Самые древние грамоты восходят до начала XI столетия, 1024 г. См. Д. Пурцеладзе. Грузинские церковные гуджары. Тифлис. 1881 г. стр. V

только большая ее часть, пришла довольно поздно. Между тем старые племенные сказания, не были во время записаны, частью пришли в забвение, частью игнорировались ревностным христианским духовенством. Не из чего было создавать народный эпос. Творчество народное, не найдя в своей древности предметов, возвышающих национальное сознание, обратилось к другим темам.

У всякого народа, вместе с усилением его политического могущества, просыпается жажда узнать свое прошлое, объяснить себе постепенный ход своего исторического развития. Нечто подобное было и в Грузии: была сделана попытка удовлетворить народное любознательность, но, насколько удачно, увидим ниже.

Читая со вниманием единственную историческую грузинскую книгу, мы невольно приходим к заключению, что в составлении ее принимал участие Армянин, или человек, получивший образование в армянской школе. Какие побуждения могли им при этом руководить, мы выскажем дальше в виде предположения. Скажем одно: книга сочинена относительно поздно. Но и в то время, если бы поискать, как следует, нашлись бы действительные народные предания и песни, в которых сохранились отчасти воспоминания о древностях Грузинского народа. Но для христианского монаха того времени, особенно для иностранца, не слишком дороги были предания дикого, на его взгляд, народа, его трудно произносимые имена, его непонятные поверья, хранившие следы языческой старины.

Если вы в настоящее время обратитесь к Грузинам с вопросом об их истории и древностях, они предложат вам, для разрешения всех подобных вопросов, свои так называемые *Анналы*, в редакции царя Вахтанга V, составленные или собранные в начале XVIII века. Эти *Анналы* доступны в настоящее время европейским читателям в переводе их на французский язык покойным академиком Броссе, который снабдил свой перевод многочисленными историческими и филологическими примечаниями. Все сочинение вышло в трех больших томах под заглавием: *Histoire de la Georgie de puis l'antiquité jusqu'au XIX siècle*. St. Petersburg, 1849 – 1857. К ним в 1851 году присоединен еще отдельный том: *Additions et éclaircissements sur l'histoire de la Georgie*⁷. Для неспециалистов этот труд Броссе заменяет целую библиотеку

⁷ Четыре тома *Infolio* по истории Грузии свидетельствует о неутомимой деятельности ак. Броссе. Но он не был историк, и еще менее критик. Нагромоздив в своем издании массу примечаний и выписок, он не объяснил почти ни одного сколько-нибудь темного до него факта в Редакции Вахтанга. Часто приводит он два противоречивых известия из двух разных источников и находит возможным согласиться с обоими известиями. Характеристика г. Броссе как лингвиста, по Гатейриасу, вполне применима к нему и как к

исторических известий о Грузии. Так как эта единственная по богатству материалов книга о грузинской истории весьма распространена и известна всякому интересующемуся историей Кавказа, то мы в дальнейшем изложении постоянно будем ее иметь в виду (Редакция Вахтанга), избегая по возможности отдельных на нее ссылок и лишь обозначая цитаты в случае необходимости. Параллельные места в Анналах Вахтанга легко отыскать по приведенным в настоящей статье выдержкам из Армянской Хроники. Кроме этих переводов, ак. Броссе издал два больших тома грузинского текста с небольшими филологическими примечаниями, под заглавием Картлис-Цховреба, Жизнь, или история Картли, то есть Грузии.

Мнение ученых об историческом значении этих Аннал различны. Одни, как Броссе, посвятивший труды свои на изучение их в подлиннике, не смотря на массу очевидных промахов и противоречий, твердо стоят за их древность и уверены в важности сообщаемых ими сведений. Такого мнения отчасти придерживался и арменист Сен-Мартен в своих мемуарах. Другие, и в том числе Сенковский, Кох, Ланглуа, держаться противоположного мнения, по крайней мере, о первой их части до Вахтанга I, и не при- **(конец 204 стр.)**-дают им вовсе исторического значения⁸. Последние, мимоходом высказывая свое мнение на основании полученного ими после прочтения Аннал общего впечатления, не дали, однако, себе труда подвергнуть строгой исторической критике всю летопись или известный ее отдел и не постарались вникнуть в самый процесс ее составления. Эту мало благодарную работу с известными ограничениями, о которых будет сказано ниже, приняли мы на себя в ожидании того времени, когда образованные грузинисты, глубоко изучив памятники своей старины, примутся за это дело, и отделив в своей летописи вымышленное от исторического, новое от древнего, выставят в надлежащем свете ее достоинства и недостатки, как исторического материала. До сих пор все написанное грузинскими авторами касательно древнейших эпох истории Грузии отличается не столько научным, сколько патриотическим направлением. Только г. Бакрадзе в статье «Об источниках грузинской истории» допускает, что «источники о первых временах истории

историку... «Durant un certain temps le nom de Brosset dominait toutes les études géorgiennes. Ce fut un travailleur infatigable qui toucha à tous les points et accumula toutes sortes de travaux sur l'histoire, la géographie, la législation ancienne et les idiomes de la Géorgie. Il faut donc rendre justice à son zèle et à sa honte voulue, mais on est obligé de reconnaître qu'il n'avait aucune des qualités de linguiste et qu'il se contentait d'entasser sans ordre ni méthode une quantité de notes qui restent d'ailleurs une mine précieuse, et inexploree. Absolument dépourvu de toute originalité personnelle et sans aucune base scientifique, Brosset n'en avait pas moins de bonne heure publié, par voie d'autographe, un grammaire etc. Revue linguistique t. XIV, 1881: Études linguistiques sur les langues de la mille Géorgienne, p. 275 – 311, par J. A. Gatteyrias.

⁸ Определенное других излагает свое мнение Ланглуа в Essai de classification des suites monétaires de la Géorgie. Paris, 1860

Грузии скудны, да и те носят характер баснословий», и даже, что «события древних времен были описываемы по преданию» (Кав. Календарь. 1858 г. стр. 495, 407). Цель наша, между прочим, состоит и в том, чтобы доказать, что первая часть истории Грузии составлена не по преданию и известия в ней не носят баснословного характера, если под баснословием понимать легенды о мифических временах Грузии; а просто вымышлена одним лицом с предвзятой целью. Если бы она заключала в себе действительные предания о древности грузинской, то историческая ее ценность была бы другая.

Царь Вахтанг V, сын Левана и гурельской принцессы, родился в 1675 году, а умер в 1727. Ему приписывается составленная в двух важных сборниках: законодательного и исторического. Этот последний сборник и есть та историческая книга Аннал, в которой Вахтанг собрал воедино все, что уцелело от древних письменных памятников. Летописные сказания и легенды святых расположены в ней в хронологическом порядке, без всякой их переработки, за исключением некоторых исправлений в литературном отношении и амплификации первоначально кратко изложенных фактом. Приписки, встречающиеся в разных местах текста, как-**(конец 205 стр.)** будто указывают на то, что первоначальными составителями отдельных частей этой сведенной летописи были разные лица. Так в ней говорится, что история обращения Грузин в христианскую веру была составлена тремя современниками – Евреем Абиатором, дочерью его Сидонией и Саломе, дочерью царя Мириана. В другом месте, после описания смерти св. Арчила мученика, в начале VIII века, находится следующая приписка: «История Грузии до Вахтанга Гургаслана была написана в разные времена. От Вахтанга до сего времени (то есть, до начала VIII века) она составлена Дживанширом Дживаншерияном, мужем дочери брата св. Арчила». Дело грузинистов разобрать на основании языка, сколько правды в этих приписках. Не входя в ближайшее их рассмотрение, мы полагаем, что эти приписки, если даже они автентичны, относятся только к христианским легендам, а не к фактам гражданской жизни.

В настоящей статье мы имеем в виду заняться только первым отделом этой летописи, той ее частью, в которой описывается первобытная история Грузии до Р. X.

Но не грузинский текст Аннал Вахтанга и не французский их перевод делаем мы предметом нашей критики, а другой, с которым познакомится читатель в дальнейшем изложении.

В кратком вступлении, предпосланном Редакции Вахтанга, говорится: «История Грузии с течением времени подверглась разнообразным искажениям со стороны переписчиков или была прерываема вследствие (неблагоприятных) обстоятельств времени. Царь Вахтанг, сын Левана и племянник по отцу славного царя Георгия, созвал ученых мужей, собрал повсеместно грузинские летописи, какие только можно было отыскать в его время, а также грамоты, находившиеся в монастырях Мцхетском и Гелатском, в церквах и у разных князей. Их сравнили между собой, исправили искажения, сделали извлечения из исторических сочинений армянских и персидских, и все это привели в следующий порядок». Из этого вступления оказывается, что во время Вахтанга V (то есть, вначале XVIII в.) существовали еще древние грузинские летописи, в которых он произвел исправления, и что вся новая редакция, помимо чисто-грузинских сочинений и грамот, покоится еще на известиях, извлеченных из исторических книг персидских и армянских. Но каковы были эти грузинские летописи, в чем заключаются исправленные в них искажения переписчиков, и из **(конец 206 стр.)** каких именно персидских и армянских книг сделаны извлечения, – на все эти вопросы новая редакция не дает никакого ответа. Как нарочно, древние грузинские летописи, собранные Вахтангом для составления своей редакции, не сохранились до нашего времени. И так как Вахтанг не исчисляет поименно и тех иностранных сочинений, которыми он пользовался, то мы лишены возможности в новой редакции отделить текст древних летописей от тех прибавок, которые сделаны им в виде исправлений или извлечений из армянских и персидских книг. Поэтому у каждого читателя Вахтанговских Анналов может невольно возникнуть (что и бывало) сомнение, действительно ли когда-нибудь существовала древняя грузинская летопись, и не выдумал ли ее Вахтанг для придания большей авторитетности своим Анналам...

Известно, что за исключением нескольких жизнеописаний святых, от древнего периода грузинской литературы не осталось других памятников исторического содержания. Между тем трудно предположить, чтобы народ, один из первых принявший христианство, исторически известный около 2000 лет, владевший письменностью около 12 веков, во все это время до самого XVIII столетия, лишен был какого-либо письменного памятника о своей прошлой судьбе. Были в истории Грузии и блестящие эпохи внешнего расширения пределов и внутреннего процветания, когда, вследствие объединения под одну власть многих ее племен (при Багратидах), неминуемо должно было родиться в коренном ее населении желания узнать, откуда оно

и какую жизнью оно жило до того времени. Не вероятно, повторяем, чтобы Грузины задолго до Вахтанга V не имели своих исторических книг. И действительно, этот вопрос поставлен вне всякого сомнения, благодаря известиям, сообщениям армянскими историками XIII в.

Историк Вардан говорит о существовании в его время у грузин «Исторической книги», и делает из нее извлечения, сходные по содержанию с тем, что говорится в Редакции Вахтанга. Вот это место (Венец. изд. стр. 91): «Относительно царей Грузинских в их книге говорится, что Торгом после потопа пришел в область Айрарат с восемью сыновьями, из которых трое: Гаос, Картлос и Кавкасос занимали первенствующее место. Завладев странами, они назвали их по своим именам: Гайк (Армения), Картл (Грузия) и Кавказ. Они господствовали в (конец 207 стр.) областях, лежавших между Понтом и Каспийским морем до времен Михрана и внука его Арбака, который женился на Персеянке Саакдухте из Партава. Эта Саакдухт, будучи бесплодна, уверовала в Христа, который даровал ей сына Вахтанга, прозванного Гургасаром, что по-персидски значит волкоголовый, так как у него на шлеме спереди было изображение волка, а сзади – льва. Он женился на дочери императора Льва, и от него происходят цари до Тевтаса, которого ослепил Абас».

В Хронографической Истории Мхитара Айриванеци (см. мой перевод стр. 346 – 347), современника Вардана, приведены имена всех князей, царей и епископов грузинских, встречающихся у Вахтанга: «Гайк и семь братьев его: Картлос, Бардос, Мовкан, Лекан, Кавкас, Егрис, Мцхита, Уплос, Апридон, Азон, затем (?) Александр Великий».

Как Вардан, так и Мхитар, вероятно, пользовались уже армянским переводом Грузинской Хроники, так как у обоих встречается форма Арбак вместо Аршак (см. ниже).

Наконец, в самом конце XIII века, Стефан Орбелиан, митрополит Сюнийский, еще определеннее говорит о грузинской летописи и приводит ее грузинское название: Картлис Цховреба, что в переводе значит: жизнь Картли, то есть, Грузии. Извлечения, которые он делает из этой книги, более подробны, чем у предшествовавших авторов, и почти тождественны с тем, что передается в начале Вахтанговых Аннал, особенно касательно грузинских родоначальников и общего их с Армянами происхождения от Торгома. Не лишним считаем привести этот отрывок: «Родоначальник и предок наш Торгом имел восемь сыновей, отличавшихся мужеством и

исполинских ростом. Старший из них Гайк, второй Картлос, третий Бардос, четвертый – Мовкан, пятый – Лекан, шестой – Герос (Heros), седьмой – Ковкас, восьмой – Егрес. Разделив свои владения между сыновьями, Торгом дал Гайку Армению со всеми ее пределами, а северную темную (гористую) страну дал Картлосу и братьям его. Картлос отправился к горе Армаз и построил себе там дом, а на удобном месте неприступную крепость Орбет. Вся страна от Хуана и до Сперского моря от имени его получила название Картл. После долгих лет, причем дети сменяли отцов, потомки Картлоса дожили до времен Персидского царя Хосрова, прозванного Кеканус. И так как в то время Иверы (**конец 208 стр.**) не имели царей (в собственном смысле), то по обычаю называли властителей своих танутерами (букв. Домовладыками). Танутеры сидели в Картли в городе Мцхете, построенной Мцхитою, старшим сыном Картлоса. Угнетенные жестоким царем Персидским, они готовы были смерть предпочесть жизни».

«В то время правил Грузией Перс Адармос, назначенный Абридоном, царем Персии, Грузии и Албании. Этот Адармос восстановил Мцхиту, окружив ее стеной из камня, связанного известью, и построил стену от горы Армаза до реки Куры. После его смерти Иверией управляли четыре наместника. Так как повсюду господствовали смуты и опустошения, причиненные Кекавус-Хосровом, а после него Кве-Хосровом, то Иверия находилась в безнадежном и бедственном положении». Далее автор говорит о поселении в Грузии ченской колонии, из которой происходили известные в истории Грузии князья Орбелиан. К этому мы еще вернемся.

Как Врдан, так и Стефан, находят сведения, сообщаемые «Грузинской книгой», весьма скудными и в дальнейшем изложении ссылаются на Мхитара Анеци (XII в.), любопытная история которого до сих пор еще не вполне отыскана⁹. Стефан Орбелиан прибавляет, что не нашел в «Грузинской истории» рассказа о катастрофе, постигшей фамилию князей Орбелиан, и потому принужден был обратиться к книгам, написанным по армянски.

Из сказанного мы убеждаемся в том, что в XII в. существовала грузинская историческая книга, на грузинском языке, с весьма скудным содержанием. Но мы не знаем еще, в чем заключалось это скудное содержание, за исключением того, что из нее извлечено Варданом и Стефаном относительно грузинских родоначальников. Вступление Вахтанга говорит о грамотах, хранившихся в монастырях и у князей. Но такие грамоты

⁹ Только начало этого сочинения удалось мне открыть в библиотеке архиепископа Саргиса и издать вместе с историей Себеоса. С-Пб. 1879 г. См. Библиогр. Очерк арм. Истор. Литературы. С-Пб. 1880 г.

и другие документы могли относиться только к позднейшим эпохам, а не к доисторическому периоду, описываемому в начале редакции Картлис-Цховреба. То же самое можно сказать относительно извлечений, сделанных будто бы из персидских и армянских книг. Из того, что сообщают Персы о Грузии, весьма малая (**конец 209 стр.**) часть вошла в Редакцию Вахтанга, а из армянских – и того менее.

И так, хотя источники, по которым царь Вахтанг составил свою редакцию, не сохранились до нашего времени, известия армянских писателей не дают, однако места сомнению относительно их действительного существования задолго до Вахтанга. Этот последний вывод обратился в положительный факт открытым в тридцатых годах настоящего столетия списком армянского перевода старинной грузинской летописи.

В апрельской книжке *Journal Asiatique* за 1838 год, бывший профессор армянской словесности в Париже *Le Vaillant de Florival* в небольшой статье¹⁰, составленной в сотрудничестве с Щ.Г. Айвазовским, сообщает ученой публике об открытии в Венеции одним Мхитаристом какой-то Истории Грузии, переведенной на армянский язык за семь веков до нашего времени, из которой, по всей вероятности, извлечена Редакция Вахтанга.

Несколько позже, в рукописях архиепископа Карапета в Тифлисе нашелся другой экземпляр той же истории. Список с этой последней был сообщен Броссе, который, в бытность свою в Венеции в 1845 году, узнал, что и Веницианский список снят с рукописи архиепископа Карапета. Затем в библиотеке Эчмиадзинского монастыря открыт был еще более древний экземпляр, который, по мнению Броссе, написан между 1279 и 1311 годами¹¹. Из этого или несколько более древнего списка делали, вероятно, свои извлечения Вардан и Стефан.

Таким образом, факт существования древней грузинской летописи, раньше XIII века, поставлен, вне всякого сомнения. Из сравнения этого старого армянского перевода с Вахтанговской редакцией, не смотря на то, что последняя по объему несколько раз превосходит первую, оказывается что, в сущности, содержание обеих редакций тождественно. Только многие факты, кратко сообщаемые в армянском переводе, в Вахтанговской редакции переданы большим количеством слов, не сделавшись от этого яснее. Также и (**конец 210 стр.**) речи, вложенные в уста некоторых лиц, удлинены в ней до

¹⁰Repone aux allegations dun prince georgien reprodites dans le Journal Asiatique, October 1836.

¹¹Histoire de la Georgie. Introduction, p. XVIII; Brosset, Trolaieme Rapp. Aurun Voyage Arheolog. Dans la Georgie et dans l'Armenie. St. Peterb. 1849, p. 62

бесконечности. Затем не прибавлено ни одной характеристической черты к подробностям кратко передаваемого армянским переводом факта. Следует полагать, что армянский перевод ближе передает древний утраченный ныне грузинский оригинал, чем Редакция Вахтанга, исправленная в начале XVIII столетия. Но в то же время нельзя с уверенностью утверждать, чтоб армянская редакция была дословным переводом, а не сокращенным извлечением из первоначальной Грузинской Хроники.

Армянский перевод древней грузинской летописи, или Армянская Хроника, как его называет Броссе, и как мы его будем впредь для краткости называть, доведена до 1125 года, то есть, до смерти Давида Возобновителя, и по-видимому, не докончена, так как во всех списках прерывается на не дописанном слове. Она также переведена¹² академиком Броссе, как и Редакция Вахтанга. Так как оба перевода изданы в одинаковом формате, то можно легко судить об их относительном объеме. Армянская хроника не велика и заключает в себе 60 полных страниц, тогда как Анналы Вахтанга по то место, где оканчивается армянский перевод, то есть, по 1125 год, занимает 381 страницу, следовательно, они слишком, чем в шесть раз обширнее Армянской Хроники. Но здесь следует обратить внимание на то, что, во-первых, в числе 381 страница включено 13 страниц предисловия Вахушта, написанного в Москве в 1745 году, и во-вторых, из 368 остальных страниц следует исключить, по крайней мере, меньшую половину, занятую примечаниями ак. Броссе, так что вся редакция Вахтанга будет занимать не много более 180 страниц, и будет уже относиться к объему Армянской Хроники, как 3:1. Но это отношение еще более уменьшится, если мы из обеих редакций выкинем самостоятельную легенду об обращении Грузинов в христианскую веру и оставим только те части летописи, которые будут рассмотрены в настоящей статье.

Нас могут однако спросить: почему мы Армянскую Хронику называем не оригинальным сочинением, а переводом первоначальной грузинской летописи?

Кроме отзывов армянских писателей, изложенных выше, Армянскую Хронику мы называем переводом, а не оригиналом, на **(конец 211 стр.)** том основании, что в ней в сильной степени сохранились следы грузинского текста. Во-первых, автор перевода, человек малосведущий, нашел нужным передавать армянскими словами названия таких местностей, которые

¹² ВAdditionsetEcclairciss.

находились в сердце Грузии, и, следовательно, должны были носить чисто грузинские названия. Так названия: Тке-тба, Цихедиде, Уплис-цихе, Деда-цихе и др. он переводит армянскими словами, означающими: лесное озеро, большая крепость, крепость владыки, мать-крепость, то есть, буквальным переводом грузинских названий, тогда как в оригинальном сочинении местные названия были бы сохранены, как собственные туземные имена. Во-вторых, он удержал во многих собственных именах, имеющих отдельную армянскую форму, грузинский местный суффикс «ет», например Хазарет, Джорджанет вместо Хазирк, Вркан. В-третьих, в церковном грузинском письме буквы «ш» и «б» весьма сходны друг с другом. Переводчик, вероятно, не совсем точно знавший азбуку, передает через букву «б» такие имена, которые по-настоящему должны заключать в себе буквы «ш». Например, он пишет Биуб, Ардабак, Ардабир, вместо Шиуаш, Аршак, Ардашир и проч. Впрочем, и сами грузинские переписчики часто впадали в ту же ошибку, особенно в имени Арбак вместо Аршак. Таких следов, доказывающих, что Армянская Хроника есть перевод старинной грузинской летописи, довольно много.

В то же время армянский текст, как более древний, представляет не мало вариантов, облегчающих понимание темных мест нового грузинского текста и дающих лучшее чтение для некоторых имен, встречающихся в Редакции Вахтанга.

При отсутствии в настоящее время древних грузинских летописей можно было бы допустить предположение, что их не было в начале XVIII века и что Вахтангова редакция сделана на основании армянского перевода (как думали Флорнваль и Айвазовский), так как сам Вахтанг в своем вступлении говорит о заимствованиях из армянских книг. Но многие варианты, гораздо вернее прочитанные чем у него в армянском переводе, указывают на то, что Вахтанг пользовался главным образом не армянским переводом, а старым грузинским текстом.

Как бы то ни было, в настоящее время Армянская Хроника по своей давности должна занимать место утраченного оригинала, и мы именно ее, а не текст Вахтанга, кладем в основание своего (конец 212 стр.) исследования, сравнивая ее постоянно с французским переводом Вахтанговых Аннал.

Обратимся к вопросу о том, когда могла быть написана древняя грузинская летопись, дошедшая до нас в армянском переводе? Мы видели, что о ней знал Вардан и Стефан, в начале и в конце XIII века. Самая рукопись

(армянская) оканчивается рассказом о событии, имевшем место в начале XII столетия. Даже ее последняя страница не встречается у Вахтанга, и составляют не перевод, а самостоятельное изложение современных переводчику фактов.

И так, летопись не могла быть составлена позже XIII столетия. Приписка, встречающаяся в тексте, будто первая часть летописи до Вахтанга-Гургаслана написана в разные времена, а с Вахтанга до св. Арчила в начале VIII века Джеванширом, едва ли достаточно авторитетна. Если мы и допустим, что Житие св. Арчила написано в начале VIII века, то должны предположить, что оно существовало отдельно и не входило первоначально в состав летописи. Что же касается до выражения: история до времен Вахтанга I написана в разные времена, то мы не знаем, что хотел сказать автор. Если автор имел в виду выразить такую мысль, что начало летописи составлено разными авторами до Вахтанга I (V в.) или даже до смерти Арчила Святого (VIII), то мы с этим никак не можем согласиться по следующим причинам:

Все известия в первой части Хроники изложены так неопределенно и в таких общих выражениях, что читатель не замечает в них ни одного намека на современные автору факты. Нам известно, например, из истории много случаев вторжения Хазар с северного Кавказа в Грузию и Армению, и они относятся к разным определенным эпохам. В летописи также встречаются известия о походах Хазар в Грузию за полторы и более тысячи лет до Р. Х., но читатель не может уловить того, в какое время и при каких обстоятельствах, известных из других источников, могли иметь место эти походы. Далее, многие собственные имена, встречающиеся в этой части (в отделе до принятия христианства), по своим формам относятся к позднейшей про арабской эпохе. Например, древний город Партав уже после Арабов стал называться Барда. У летописца эпоним Аррана создан не по древней, а по новейшей форме имени Бардос. Так, Месопотамия (**конец 213 стр.**) только в арабский период стала называться Алджезиром; между тем в Хронике, как и в Анналах, это название встречается в рассказе о IV и V веках. Затем Мириан, которому Анналы дают 77 лет царствования (265 – 342 гг. по Р. Х.) бывал, по уверению летописи в Багдаде, основанном, как известно, гораздо позже появления Арабов. Точно также Хосров Парвас называется у анонима Кесра, то есть, так, как передавали это имя Арабы.

Этих доказательств позднейшего про арабского происхождения летописи не много, но они есть. В пользу более ранней эпохи составления Хроники нет вовсе доказательств. Но мы не ограничимся этими указаниями.

В летописи мы встречаем более верные признаки того, когда могла быть составлена первоначальная летопись.

Анонимный автор Хроники представляется человеком малосведущим и мало начитанным. Он, как видно, знаком был с сочинениями Хоренского и Агатангела и знал несколько содержание Шах-Наме, но пользовался ими не по подлинникам, а по устному пересказу, как будет указано в разборе содержания Хроники. Это-то знакомство с содержанием Шах-Наме, к которому автор часто прибегает на первых страницах своей Летописи, и утверждает нас в мысли, что Летопись никак не могла быть написана раньше XI столетия. Выше мы видели, что она не могла быть составлена позже XIII века. И так, мы должны прийти к тому заключению, что анонимная, ныне в оригинале не существующая, Грузинская Хроника могла быть сочинена только в промежутке времени от XI до XIII столетия, и вероятнее всего, в XII веке, на начале которого прерывается Армянская Хроника.

Наивность и малая начитанность автора изумительна. Он не только не знает того, что говорят о Грузии классические писатели, но и того, что о более позднейших эпохах грузинской истории повествуется у византийских и армянских историков, говоривших о многих событиях как современники. Он не сообщает никаких народных преданий, которые, несомненно, существовали в его время. Напротив, по примеру Хоренского, он даже избегает их, прибегая к заимствованиям из книг (пересказ Хоренского и Шах-Наме) и сочиняя генеалогии, ни с чем несообразные. На каждом шагу чудовищные анахронизмы следуют за не менее чудовищными противоречиями до такой степени, что в первом от - **(конец 214 стр.)** деле Хроники едва ли можно встретить хоть один факт, имеющий действительно историческое значение. Отсутствие элементарных понятий об истории высказывается у автора, особенно в том, что в его изложении не принимаются в соображение ни мировые исторические события, ни хронология. Оттого все его известия висят в воздухе, не имея под собой почвы. Для подтверждения высказанного нами мнения приведем из этой хроники несколько выписок, характеризующих, с одной стороны, наивность автора, с другой – его взгляд на историю и на своих читателей-современников. Возьмем время появления Спасителя. «На первом году царя Андрика в Иудее, в городе Вифлееме, родился Иисус Христос. Между Евреями города Мцхеты распространилась молва о том, что Персидские цари завоевали Иерусалим. Этот слух сильно их опечалил. Но спустя два года они узнали, что цари явились не для покорения Иерусалима, а для поднесения

даров рожденному от девы младенцу. Через тридцать лет прибыл на северо-восток (то есть в Мцхету) из Иудее гонец и объявил (тамошним Евреям), что младенец, которому волхвы поднесли дары, возмужал и выдает себя за Сына Бога. «Итак», говорит он, - «пусть люди мудрые из нашего народа, сведущие в законах, соберутся, и поедем вместе (для совещания) по этому делу»¹³. Читатель, видит, что автор не силен в изобретательности. Тотчас вслед за этим известием, читаем: « то же время Персы возмутились против Македонян (это после Р. Х.!) и избрали себе в цари Ажиана Мудрого (?!). Правда, в редакции Вахтанга нет слова «Македонян», но это не доказывает чтоб его не было в древнем тексте, в котором позднейшая редакция, несомненно, делала исправления. Вместо Ажиана в грузинской редакции стоит Ажгалана, под этим именем Анналы, вероятно, разумеют Аршакидов. Известно, что Аршакиды основали свою династию за 250 лет до, а не после Р. Х.

Далее, представляется феноменальный случай, встречающийся только в истории Грузии. После смерти Андрика царствует в Грузии попарно десять царей, всего пять пар. Но удивительно то, что лица, составляющие каждую пару, начиная одновременно царствовать, по прошествии известного времени умирают в один и тот же момент, уступая место следующей паре. И никакого объ- **(конец 215 стр.)** яснения для столь необыкновенного факта! Хотя цель моей статьи заключается собственно в разборе Армянской Хроники, а не в критике Вахтанговой редакции, мне, однако приходится обращаться к последней за справками и объяснениями. В данном случае открывая Анналы, мы не находим в них объяснения этому необычайному явлению. В переводе Броссе даже приведены цифры продолжительности каждой пары, чего в грузинском тексте не встречается (см. стр. 47 и далее).

Возьмем пример из V века по Р.Х. В это время, как известно, Сасаниды задались мыслью обратить в огнепоклонство Армян, Грузин и Албанцев. Современные армянские писатели (Егише, Лазарь Парпеци) довольно подробно передают события религиозной войны, возбужденной Персами. Между прочим, Лазарь сообщает, что в самом разгаре войны, Грузинский царь Вахтанг, вначале также теснимый Персами, обратился к Армянам за помощью. Ему послан был вспомогательный отряд. Во время происшедшего с Персами столкновения, Вахтанг со своими Грузинами трусливо бежал, предоставив Армян на произвол судьбы. Отряд, конечно, был разбит. Вот что говорит современник. Дело тут не в трусости, в которой Армяне обвиняют

¹³ В тексте Вахтанга все это гораздо подробнее, но в сущности то же самое.

Вахтанга. Важное значение имеет этот рассказ в том отношении, что современники видели в Вахтанге не могущественного царя (каковым он и не мог быть), а просто предводителя, князя или владетеля грузинского, который не только не был великим завоевателем, но сам даже нуждался в помощи армянских инсургентов. Таков был Вахтанг исторический. В Летописи мы видим совсем другое лицо. В ней он представляется непобедимым героем, великим завоевателем и благочестивейшим христианином, говорившем с 15-летнего возраста бесконечные назидательные речи. Жил он в эпоху нам достаточно известную. Из других источников мы не имеем сведений о каком-либо завоевателе в Передней Азии в V веке. А между тем, если послушать Армянскую Хронику или Анналы Вахтанга V, Вахтанг I не только совершает изумительные подвиги в Грузии против Греков и Персов, но вместе с царем Хосровом (какого в его время не было, а был Пероз), за которого он выдает сестру свою Михрандухт, он предпринимает завоевательные походы в отдаленные страны Азии. Они, говорит повествователь, - опустошили Джорджанет (Гарканию), столицей которого был Гелан (?) и населяли его Персами. (конец 216 стр.) Затем они отправились в Индию, разграбили ее и взяли по тысяче литров мускусу и амбры; несколько кораблей с грузом курительных благовоний; драгоценных камней, изумруду и яхонту целый груз корабля; золота софирского сколько можно навьючить на сто верблюдов, серебра на 500 верблюдов. Оттуда они отправились к Синду, затем в Абаш (Абиссинию), в землю Кушскую. В Абиссинии они захватили в плен тысячу семейств и распустили их в разные стороны. От них, уверяет составитель хроники, - произошли Курды!..

Описание царствования Вахтанга I занимает десять страниц (франц. перевода), то есть, ровно шестую часть всей Хроники, а в Редакции Вахтанга пятьдесят страниц. Подвергать отдельные походы и подвиги Вахтанга критике, искать в других источниках подтверждения тому, что изложено в Хронике, как делает Броссе в своих примечаниях к Анналам, - работа бесполезная. Все это описание никак не укладывается в историческую рамку; тщетно было бы видеть в приписываемых Вахтангу подвигах отголоски народных преданий о старине. Если кому-либо из известных исторических лиц можно приписать часть подвигов, совершенных Вахтангом, то разве жившему несколько раньше анонимного летописца знаменитому Газиевидскому султану Махмуду, сначала покровителю, а после гонителю Фирдуси, сочинения которого, как мы видели, если не в подлиннике, то по содержанию были известны нашему автору. После Вакха и Александра

Великого Махмуд один прославился в народных преданиях как завоеватель Индии, вывезший оттуда несметную добычу.

Не можем также не обратить внимания на следующий анахронизм. Автор говорит, что современниками Вахтанга в Персии были цари Ормузд и сын его Хосров, взявший Иерусалим. Вахтанг, как нам известно, жил во второй половине V века, а Ормузд IV царствовал с 578 г. по 590; сын его Хосров Парвиз – с 590 г. по 628. Допуская подобный анахронизм, автор не мог быть современником Вахтанга I, как о том говорит приведенная нами выше приписка.

Следует обратить внимание еще на один пункт в истории Вахтанга. Автор говорит в одном месте: «Вахтанг приделал к золотому своему шлему изображение волка и льва, почему и был прозван Персами Гургасал, то есть волк-лев». Во-первых, Гургасал не может значить волк-лев. Гургасал по свой- **(конец 217 стр.)** ству грузинского языка обращающего «р» в конце собственных имен в «л», например, Григол, Арчил (из Ардшир) и др. произошло из Гургасар, как оно встречается у Вардана и значит по-персидски: волкоголовый, и, следовательно, нет основания переводить его через волк-лев. Но дело в том, что в этой более древней форме прозвище Гургасал или Гургасар встречается у Грузин редко, а чаще в форме Гургаслан, что действительно означает волк-лев. Но в таком случае последнее слово уже не персидское, а турецкое, и прозвище Гургаслан могло быть создано в ту эпоху, когда турецкий язык стал распространяться в Персии и Грузии, то есть, гораздо позже арабских завоеваний. И Вардан переводит Гургасар через волк-лев, но он жил в XIII в., во время первого вторжения Монголов, когда турецкий язык был уже господствующим в Передней Азии, - и как мы видели, заимствовал свои сведения о грузинской истории из летописи нашего автора (см. также Сенковского, Некоторые сомнения касательно Истории Грузинов, стр. 166 в Библиотеке для чтения за 1838 год).

Такова большая часть известий, сообщаемых грузинским хронографом. Только крайняя снисходительность или отсутствие критики могли придавать этой хронике значение исторического источника, говоря о первой ее части. Приближаясь к нашему времени, конечно, чаще и чаще встречаются факты исторического характера; но, как мы уже говорили раньше, нас в настоящее время занимают известия о древнем, дохристианском периоде истории Грузии. Разбирая самый текст, мы постараемся шаг за шагом следить за автором и будем отмечать, где он черпал свои сведения. Но перед тем не мешает попытаться угадать, чему обязана летопись своим происхождением.

Сам анонимный автор Хроники ни слова не говорит, ни о времени, в которое он жил, ни о цели своего труда, ни о том, при каких обстоятельствах он его предпринял. Выяснение этих обстоятельств весьма важно при оценке древнего памятника. Но так как ни в Армянской Хронике, ни в Редакции Вахтанга никаких на этот счет положительных указаний не имеется, то волей-неволей приходится прибегнуть к предположениям, обойтись без которых в данном случае не представляется возможности.

Из многих сотен владетельных родов, между которыми разделена была вся площадь древней Армении, более влиятельными (**конец 218 стр.**) и знатными считались нахарарские (княжеские) роды: Багратуни, Арцруни, Сюни, Мамиконяне и некоторые менее замечательные. Старший в нахарарском роде считался главой всего рода и владельцем всей родовой территории на основании майоратства с политическими правами. Владелец майоратства носил звание нахапета, тера или танутера, буквально: домовладельца, то есть, главы рода, то же, что мамасакхлиси у Грузин. Такой танутер хотя и утверждался в правах своих царскою властью, но в этом утверждении собственно не нуждался, так как нахарарская система предшествовала в Армении учреждению царской власти и покоилась на нравах и обычаях жителей. Установленная в Армении за 130 лет до Р. Х. и существовавшая до двадцатых годов V века по Р. Х., царская власть могущественными нахарарами большею частью признавались номинально. Отношения между этими учреждениями никогда не были приведены в известную систему, обязательную для обеих сторон, и главным образом обуславливались наличием фактической власти.

Род князей Багратуни, один из самых древних, знатных и богатых родов Армении, искони занимал выдающееся положение между другими княжескими фамилиями. Имена их связаны со многими другими событиями истории Армении как до, так и после Р. Х. Внимательно изучая армянских историков, выносим такое впечатление, что честолюбие и осторожность были постоянными спутниками всех действий представителей рода Багратуни. Хоренский (II, 7) упоминает о них, как о главных деятелях в Армении за 130 лет до Р.Х., при водворении в ней династии Аршакидов. Облеченные в высшую при дворе должность венценалагателей (тагадир) при воцарении каждого Аршакида, они сохранили свой древний титул аспета (рыцаря), носимый главами их рода. Несмотря на содействие, оказанное ими учреждению в Армении центральной власти, из отрывочных известий армянских историков мы видим, однако, что они, насколько было возможно,

устраняли себя от деятельного участия в делах государства, и, удалившись в свои владения, умели заставить царскую власть в некоторой степени уважать их нейтральное положение. Царская власть просуществовала в Армении слишком пятьсот лет, не пустив глубоких корней в жизни Армянского народа. Интересы царя естественно шли в разрез с интересами князей, дороживших своею независимостью и правом перехода в формальное подданство к одному из сильных сосед- **(конец 219 стр.)** них государств, преимущественно к Персии. Без всякого видимого переворота в устройстве страны царская власть пала, когда князья армянские обратились к Персидскому царю Враму, с просьбой заменить Армянского царя своим марзпаном (наместником), в первой трети V столетия. Но нахарары, не охотно признававшие власть своих собственных царей, были еще менее склонны выносить произвол персидских наместников. Настало время смут и волнений в стране.

В то время, когда другие владетельные роды, руководясь своими страстями и увлечениями, принимали участие в самых необдуманных предприятиях и тем навлекали на себя гибель, Багратуни с необыкновенною дальновидностью умели удерживать себя от всяких рискованных поступков, оберегая себя и свои богатства для будущего. После падения Армянского царства им желательно было играть в стране первенствующую роль, но они вскоре увидели, что их время еще не настало, и что при тогдашних обстоятельствах лучшее для них было ждать. И они сумели выждать. Между тем, для поддержания своего обаяния и для усиления своего могущества и влияния, они при благоприятных обстоятельствах выступали иногда на политическую арену, опираясь на силу государств, которым в данный момент была подчинена Армения. Так они не раз занимали высокие военные и административные должности не только в Армении, но и в Персии, облакаясь в звания спарапетов, марзпанов, востиканов, правителей (со стороны арабов), куропалатов (со стороны Византии). Родственные связи их, основанные на браках Багратидских княжен с соседними и дальними владетелями, были весьма обширны. С наступлением арабской эпохи, когда часть старинных и могущественных родов была истреблена, а у других сломлена сила, Багратуни чрезвычайно умно воспользовались обстоятельствами. Заслужив доверие халифов, они в скором времени достигли цели своих долго питаемых честолюбивых замыслов: в IX веке они основали в Армении довольно обширное государство и украсили себя царским венцом. Более мелкие династии образовали они в Вананде (Карс), в Агвании и в других областях. Древние родовые владения Багратидов

находились в области Тайк у Чороха. В смежности с ними, между Чорохом и Рионом, находилась страна, известная в разные эпохи под названием Колхиды, Лазики и Абхазии. Отрасль Багратуни, вступив в родственные **(конец 220 стр.)** связи с владетелями Абхазии и Грузии, в течении VII века успела настолько усилиться в этих странах, что один из ее членов в конце VIII века вступил на грузинский престол и тем положил основание знаменитой династии грузинских Багратидов (Багратионов), царствовавших до начала текущего столетия. Под управлением этой династии с XI века наступает самая блестящая эпоха в истории Грузии. Имена Давид Возобновитель, Георгий III, Тамара и другие делаются известны в отдаленных странах. Извне пределы Грузии значительно расширяются. Внутри государства настает время высшего благосостояния, какое когда-либо знала Грузия. Счастливые войны с соседями и деятельная торговля обогащают край. Члены царского семейства и знать тратят большие суммы на возведение храмов и других общественных зданий, одаряют монастыри, поддерживают народную литературу, заводят школы. Цветущее состояние Грузии продолжается до вторжения Ховарезмийцев и Монголов в первой трети XIII столетия.

Багратиды, заботясь об обеспечении за собою грузинского престола, не пренебрегали искать себе опоры в общественном мнении своего народа и исподволь действовали на умы своих современников. Еще в V веке, тотчас после падения Армянского царства, они обратились к Хоренскому с просьбой написать историю их рода, надеясь на то, что он поймет цель их просьбы и изложит свою историю в таком виде, чтобы прошлые судьбы рода Багратуни давали ему право на выдающееся положение между другими местными владетельными родами. Может быть, этим путем Багратиды думали содействовать своим замыслам на счет вакантного в то время армянского престола. По-видимому, Хоренский не понял их настоящей цели, и желание Саака Багратуни он приписал его просвещенной любознательности. Вследствие того он изложил свою «Историю Армении» так, что в ней Багратуни не играют особенно выдающейся роли, хотя и говорится в ней об их древнем еврейском происхождении, об их благочестии, о занимаемой ими высокой придворной должности и о некоторых заслугах перед Аршакидами. Кстати, относительно происхождения Багратуни следует заметить, что еврейство их подвержено сильному сомнению. И откуда мог узнать Хоренский о том, что происходило в Армении в царствовании небывалого Навуходносора? Да и сам он говорит, что в его время существовали предания, производившие Багратуни из поколения древних

армянских родоначальников (**конец 221 стр.**). То же самое встречаем мы и у Себеоса. И так, говорим мы, Хоренский не понял, чего ждал от него Саак Багратуни. Но впоследствии, в письме своем к главе не менее знатного рода князей Арцруни, он как будто угадывает смысл честолюбивой политики Багратуни, а потому и пророчит, что будут они царствовать в Двине, а князья Арцруни возложат на себя корону Сенахериба Ассирийского, потомками которого они себя считали.

Достигнув царской власти в Грузии, Багратуни не переставали выставлять права свои на исключительное положение и между родовитыми грузинскими князьями, из коих был знатный Еврей, высланный в Армению Навуходоносором, они уже не довольствовались в Грузии этим скромным предком, а стали утверждать, что происходят по прямой линии от царя и пророка Давида. В Армянской Хронике в одном месте говорится кратко: «Господь установил нам Спасителя из дома Давидова, в лице Давида, сын Георгия, из рода богоотца Давида, из фамилии Багратуни». А несколько раньше: «В те дни из Армении прибыл к царю Арчилу некто Адранас, из дома пророка Давида...»

Но в Вахтанговой редакции сохранилась таблица князей Багратуни от Адама и до какого-то Соломона, сына Дана. Всех поколений 87 (это в течение 5000 слишком лет!), из них 33-е место занимает царь Давид, 34-е Соломон, 58-е Иаков, отец Иосифа, супруга Девы Марии. Соломон, сын Дана, 87-й потомок Адама, родил семь сыновей, которые из Филистимской страны пришли в область Еклец (Акилисене в Армении), где царицы Ракаэль (?) крестила их своей рукой. Четверо из братьев отправились в Грузию, где в то время погасла династия Гургаслана. Грузины обратились к греческому императору (какому?) с просьбой дать им царя. Император исполнил их просьбу, провозгласил царем Гуарама, одного из четырех братьев, в 575 году и т.д. Таким образом (по Вахтангу) Багратиды вступили в первый раз на грузинский престол в VI веке. Но они процарствовали на этот раз не долго, были сменены Хосровидами. Во второй раз они взошли на престол в 787 году и уже царствовали до самого падения Грузинского царства в 1801 году.

Не останавливаясь над разными несообразностями генеалогической таблицы Багратидов, мы замечаем, что грузинский летописец (**конец 222 стр.**) (по Вахтангу) почему-то находит нужным игнорировать действительных родоначальников грузинских Багратидов, то есть армянских Багратуни, живших в Армении с незапамятных времен, и также, по уверению Хоренского, переселившихся из Палестины. А под пером летописца XII века,

только через сто лет после Хоренского, являются в Грузии новые Багратиды прямо из Палестины, а, не теряя времени, воцаряются в ней в лице Гуарама. При этом замечательно, что ни один из четырех братьев, поселившихся в Грузии, не носит имя Багарата. Их звали: Гуарам, Саак, Асам, и Вараз-Вард (чисто персидское имя). Сын Гуарама, царствовавший после него, назывался Стефанос. Спрашивается: почему же они назывались Багратидами, когда в их роде не было ни одного Багарата?

Впрочем, этот вопрос для нас не особо важен. Мы говорили, что Багратиды любили придавать себе высокое происхождение, чтобы раз на всегда знатностью рода стать выше других известных князей. Нам могут возразить, что Багратиды не виноваты в том, что льстивый летописец делает их близкими родственниками Пречистой Девы и прямыми потомками царя Давида. В том-то и дело, что летописец здесь не при чем. Гораздо раньше этого анонимного автора, жившего, как мы видели, не ранее XI века, Багратиды приписывали себе такое происхождение, хотя несколько по другой линии.

Константин Багрянородный (Deadminister. III, 197) говорит: «Куропалаты Иверийские хвалятся своим происхождением от жены Урия, прельщенной царем-пророком Давидом. Они производят себя от Давида, одного из детей этой женщины, и потому считают себя родственниками царя-пророка Давида, а следовательно, и Пресвятой Девы, происходившей из племени Давида. Вот почему грузинские владетели не затрудняются вступать в брак с родственницами, согласно древним еврейским обычаям. Они говорят, что они выходцы из Иерусалима и поселились сначала в Персии, повинувшись предписанию, полученному во сне... Со времени выхода их из Иерусалима и поселения в нынешних их владениях прошло 400 или 500 лет до нашего времени, 10-го индикта 6460 года, в царствование Константина и Романа, усерднейших христиан».

И так, если еще в Армении Багратиды хотели пользоваться услугами литературы для своих политических целей, то понятно, как важно было для них в Грузии опереться на письменный па- **(конец 223 стр.)** мятник, подтверждающий, с одной стороны, их высокое происхождение от праотцов нашего Господа, с другой – делавший их законными обладателями Грузии, на основании прямого престолонаследия. И потому легко допустить предположение, что летопись была написана по их заказу, или, по крайней мере, мысль о ней была ими внушена автору. Наконец, могло быть и так, что один из приверженцев их находил почему-либо целесообразным изложить

историю Грузии в направлении выгодном для Багратидов. Конечно, прямых данных для такого заключения не встречается ни в армянской, ни в грузинской литературе, но внутренний смысл фактов приводит нас к такому выводу. Кроме всего вышеизложенного, в Хронике, во-первых, представляется, будто Грузия искони, то есть, с потопа, а еще определеннее с Фарнаваза, имела те же политические границы, какие определились только впоследствии при династии Багратидов, объединивших разрозненные грузинские территории и установивших род единовластия, допускаемый обстоятельствами. Во-вторых, в ней утверждается, что Мцхет, а затем Тифлис, были исключительно резиденциями центральной власти (как это было только при Багратидах), господствовавшей над всею (конец 224 стр.) Грузией, - с чем; при ближайшем знакомстве с источниками едва ли можно согласиться. В-третьих, летописец избегает говорить о древнем происхождении знаменитого рода Орбелиан, хотя в его время, то есть, в XI – XII веках, семейные предания Орбелианов должны были быть общеизвестны, и игнорировать их было невозможно без предвзятого намерения. Не следует забывать, что именно в XI – XII веках своими обширными владениями и политическим могуществом они не раз навлекали на себя подозрения со стороны царствовавших тогда Багратидов. В-четвертых, непрерывный ряд царей от Картлоса и Парнаваза до Багратидов, в течение 11 или 21 столетия не прекращался ни разу, а если меняются династии, то в них, вследствие родства, остается кровь предшествовавшей династии, не дающая прекратиться роду Фарнаваза и Вахтанга I. Все это было выгодно для царствовавшей в то время династии Багратидов. Да и сами Багратиды, во второй раз занявшие престол Грузии в 788 году, делаются законными наследниками древней династии в лице Ашота Куропалата потому только, что последний представитель угасшей династии женат был на сестре этого Ашота. При этом возникает сомнение относительно существования первых Багратидов. Нам кажется, что Гурам и сын его Стефан, (конец 224 стр.) царствовавшие по летописи 44 года, от 575 до 619, обращены летописцем в Багратидов исключительно с целью усилить права настоящих Багратидов на грузинский престол.

Допустив верность нашего предположения относительно того, что мысль о Летописи была внушена автору Багратидами, мы несколько уясним себе, почему в самом начале Летописи приводится ни с чем не сообразный факт о близком родстве между собою весьма различных народов, этнографически совершенно не родственных. Все эти народы частью находились в прямом подчинении Багратидам, частью входили в сферу их

политики. Точно также преимущественно, даваемое в начале летописи Армянам, может быть объяснено прямым происхождением Грузинских царей от Багратидов в Армении, где старшая их ветвь была в то время во главе довольно сильного государства.

Не смотря на то, что задача, возложенная на летописца, была выполнена им крайне неумело, тем не менее желанная Багратидами цель была достигнута. Они получили письменную санкцию на исконные и неоспоримые права на престол Грузии. И эта летопись, исполненная вымыслов, заимствований и противоречий (мы говорим о ее первой части), и до сих пор, не смотря на все свои недостатки, пользуется огромной популярностью и авторитетом у Грузин.

Таким образом, из всего предыдущего изложения вытекает, что анонимный автор Хроники жил в XI–XII веке по Р. Х. и написал свою Летопись частью, чтобы создать «Грузинскую Историю», недостаток которой в то время сильно чувствовался в народе, но главным образом с целью возвеличить царствовавший в Грузии род Багратидов и придать их правам историческую санкцию.

Перейдем к самой Летописи. Та часть Хроники, которая нас интересует в настоящем случае, очень невелика. Мы выпишем ее дословно, чтобы дать о ней понятие, и затем изложить по параграфам наши объяснения.

АРМЯНСКАЯ ХРОНИКА

§ 1. Упомянем о том, что Армяне (Гаи, Сомехи¹⁴), Виры (Картвелы, Грузины), Раны (Арранцы, то есть жители Аррана), Мо-(**конец 225 стр.**) ваканы, Геранцы (Геры), Леки (Лезгины), Кавказцы и Егеры (Мегры – Мингрельцы) были детьми одного и того же отца, Торгома, сына Тораса, сына Гомера, сына Иафета, сына Ноя¹⁵. Торгом был муж храбрый и исполин. После разрушения Столпа, смешения языков и расселения рода человеческого по лицу всей земли, он поселился между горами Масисом (Б. Араратом) и Аргацом¹⁶ (Алагезом). Было у него много жен, которые родили

¹⁴ Грузинские названия в скобках, взяты из грузинской редакции царя Вахтанга.

¹⁵ В редакции Вахтанга несколько иначе: Таргамос, сын Таршиша, сына Аванака, сына Иафета, сына Ноя.

¹⁶ В этой же местности армянские предания, сохранившиеся у Хоренского (I, 12), поселяют родоначальника Армян, Арменака. См. Ванские надписи, гл. III. Вместо Масиса и Аргаца грузинская редакция говорит: между Масисом и Араратом. Но так как Масис и Арарат то же самое, то следует Арарат грузинского текста принять за опisku вместо Аргаца.

ему множество сыновей и дочерей. У последних были свои сыновья и дочери. Так как Торгом жил 600 лет, то страна не была в силах вместить в себе всего его потомства, которое вследствие того расселялось и распространило свои пределы от Понтийского моря до моря Герета¹⁷, до Каспийского моря и до горы Кавказа. Между сыновьями его самыми знаменитыми и доблестными были восемь мужей: Гайк (Гаос), Картлос, Бардос, Мовкан, Лекан (Лекос), Герос, кавказ, Егресь (Егрос). Из всех их особенною силою и храбростью отличался Гайк. Не было на земле подобного ему ни до, ни после потопа, и до настоящего времени. Между этими сыновьями Торгом разделил свои владения: одну половину их он отдал Гайку, а другую распределил между остальными семью сыновьями своими, сообразно достоинству каждого из них.

Картлосу дал Торгом темную¹⁸ страну севера, которая заключалась в следующих границах: на востоке река Бердахоч (Бердудж, Дебеда), на западе Понтийское море, на севере горы Кавказа, и пределы областей Кларджке и Тайк до гор Лех (Сурамских).

Бардос получил земли (к востоку) от той же реки Бердахоч вдоль Куры до того места моря, где в него впадают слившиеся в одну реку Кур и Ерасх (Аракс). Бардос построил город Партав (Бардав) и назвал его по своему имени. **(конец 226 стр.)**

Земли по северному берегу Куры от устьев (в тексте: от головы) Алазани до Великого моря (Каспия) он дал Мовкану, который построил город Мовканет (Нуху?).

Геросу дал земли от головы (истоков, устьев?) Алазани лесного озера (Тке-тба), называемого ныне Галгала (Гулгула). В промежутке между слиянием двух рек (Алазани и Иоры) он построил город и назвал его по своему имени Герет, называемый ныне Хоранта.

Егросу же дал земли на берегу¹⁹ моря в горах Лек до Западного моря и до того места где хазарская река (Кубань) впадает в море. Он построил и назвал по своему имени город Егрис, называемый ныне Бедия.

¹⁷ В грузинской редакции: до гор Орети. По предположению Сен-Мартена, это название в родстве с реч. ? и означает гористую страну, и вероятно, Курдистан.

¹⁸ Можно перевести также: гористую, или северную.

¹⁹ В тексте не совсем ясно.

Горы же Кавказские по реку Ломет (Терек) в то время еще незаселенные²⁰, Торгом отдал двум остальным сыновьям своим, Кавкасу и Лекану, по именам которых эти страны называются до нашего времени.

Гайк, получив половину отцовских владений в выше названных пределах, властвовал над семью братьями своими, а все братья вместе служили исполину Неброту (Нимроду), который раньше всех стал царствовать на земле.

Спустя несколько лет, Гайк собрал братьев своих и сказал им: «Послушайте меня, братцы! Бог даровал нам силу и многочисленный народ. В благодарность за такую к нам Его милость, давайте будем служить не иноземцу, а истинному Богу». Братья согласились на такое предложение, перестали платить дань Неброту и заключили союз с соседними народами. Сведав о том, Неброт в гневе собрал войско из исполинов и полчищ своих, и выступил (против мятежников), пришел в Атрапатакан.

Гайк со своими ждал его у подножия Масиса. Неброт выслал против него 60 исполинов с сильным отрядом. Столкновение их произвело ужасный шум наподобие грома. Резня была ужасная с обеих сторон. Гайк, стоя позади своего войска, ободрял всех. Подобно молнии он несся во все стороны, и поразил до единого всех 60 исполинов и войска их. А сам с семьей братьями, оставшись невредимыми по милости Божьей, воздал вместе (конец 227 стр.) с ними благодарение всемогущему Спасителю своему. Смущенный вестью о поражении своего отряда, Неброт лично устремился на Гайка, который, не имея равных ему сил, укрепился в каменистых ущельях Масиса.

Вооруженный и окованный с ног до головы в железо, Неброт взойдя на косогор одного холма, взывал к Гайку, чтобы тот снова подчинился ему. Не отвечая ему, Гайк сказал братьям своим: «Поддержите меня с тылу, ибо я иду на Неброта». И приблизившись к нему, пустил стрелу в грудную доску его с такою силой, что она насквозь пробила блестящую броню его. Неброт, свалился и испустил дух. С ним пало и все его войско. Так освободился и успокоился дом (страна) Торгома. Гайк же был признан царем над братьями своими и над всеми соседними народами.

§2. Картлос отправился к горе Армаз и построил себе дом и крепость, и от Хунана до Сперского моря получила от его имени название Картли. Он же построил Орбет, который ныне называется Самшуйльде, и воздвигнул из

²⁰Это слово г. Броссе почему-то переводит через: Comme la voix de l'homme ne se faisait pas entendre dans le mont Caucase.

кирпича крепость Хунан. Пожив долгие годы, Картлос умер, оставив пять храбрых сыновей: Мцхетоса, Гардабоса, Кахоса, Кохкиса²¹ и Гачиоса. Старший из них, Мцхетос, похоронил отца своего на вершине Картли, на горе Армаз. Жена Картлоса построила Майраберд (Деда-цихе)²² и Ришу (Рустав), то есть Партез-Кагак (Востан-Калаки)²³, и разделила владения (мужа своего) между пятью сыновьями своими. Гачиос построил город Гачен; Кахос – Чел и Кахет²⁴. Мцхетос построил город Мцхету и властвовал над четырьмя братьями своими. У него было три именитых сына: Уплос, Одзрхос и Джавахос, между которыми он разделил свои родовые владения. Одзрхос построил две крепости: Одзрхе и Тухарис, Джавахос построил два укрепленные города Цунду и Артаган, ко- (**конец 228 стр.**) торый прежде назывался городом храбрых или гениев²⁵. Уплос построил Уплис-цихе, Урбацис и Касп до ворот Тайских²⁶. Его удел назывался Нижний или Внутренний Картли. Потомки Торгомовы (Таргамосианы) строили эти крепости из страха (вторжения) Небротидов, грозивших им за смерть предка своего Неброта, которые пока были не в силах одолеть их, так как Торгомиды до самой смерти Мцхетоса были единодушны. После же смерти Мцхетоса разногласие воцарилось в доме Картлоса, ибо (члены его) не желали, чтобы над ними царствовал Уплос, которого Мцхетос отец их (в тексте Картлос) назначил правителем всей страны. Междоусобия продолжались долго. Иногда благоразумные мужи успевали восстанавливать между ними согласие, но вскоре смуты возобновились с новой силою. В то время разросся город Мцхета и был назван столицей (собственно: матерью городов) дома Картлоса. Князь, сидевший в нем, назывался просто Танутер²⁷ (Мама сахлиси, то есть, домовладелец) и не носил ни царского, ни княжеского, ни другого титула.

После того (сыны Картлоса) забыли Бога, творца своего, и стали поклоняться солнцу, луне и пяти звездам, и клялись могилой Картлоса, отца (предка) своего.

²¹То есть, Колхиса. В грузинской редакции гораздо вернее: Кухоса.

²² Оба названия означают: мать-крепость.

²³ Оба названия означают: сад-город.

²⁴ Здесь автор или переписчик пропустил уделы двух других сыновей: Гардабоса и Кухоса. Гардабос, упущен в редакции Вахтанга. Стоит только иметь в виду местности Гардабан и Кухет (часть Кахетии), чтобы знать, какие уделы они получали.

²⁵Качац-каган.

²⁶ Армянский переводчик, по-видимому, прочитал Таос-каци там, где в груз. подлиннике гораздо вернее стояло Тасис-кари. Три первые местности существуют и до сих пор по среднему течению Куры. Последняя местность, вероятно, находилась у Борджомского ущелья.

²⁷ Это слово, означавшее прежде главу рода, ныне в армянских деревнях употребляется в значении деревенского старосты, как и персидское кетхуда.

§3. В то время усилились Хазары и пошли войной на потомков Лекоса и Кавкаса, и так стеснили их, что те обратились к шести остальным народам Торгомова дома, жившим в мире и благоденствии, с просьбой прийти к ним на помощь. Те изъявили готовность; в полном вооружении перешли гору Кавкас и полонили землю Хазарскую, с помощью Дуцука, сына Тиретиса, который призвал их на помощь. После того Хазары, собравшись снова, избрали себе царя, и составив многочисленный отряд (лагерь), вторглись во владения Торгома через Дербендский проход. Так как число их было несметно, то они частью истребляли, частью брали в плен жителей до самой равнины Арарата (**конец 229 стр.**) и Масиса. Нетронутыми остались только неприступные (горные, темные) крепости: Хуан, Даби²⁸, Егрис, Самшуйльде. Между тем Хазары, найдя другой проход Дарьял, стали повторять свои набеги на страну Торгома и сделали ее своей данницей. Первых своих пленников, Армян и Грузин, царь Хазарский отдал сыну своему Уобосу (в переводе Броссе – Рубос) с частью Кавказа от реки Ломека (Терека) до конца гор на западе. И поселился Уобос с родом своим в стране, называемой ныне Осете. Но Дурдцук, человек именитый из потомков Кавкаса, удалился в горные ущелья и платил дань царю Хазарскому. Местность им занятую он назвал Дерцукет²⁹.

Тот же царь Хазарский дал двоюродному брату своему (сыну брата отца своего) часть страны Лекана (Лекоса) от Дербендского моря на востоке до реки Ломека на западе, и пленников из стран Рана и Мовакана. Здесь он и поселился.

Один из потомков Лекана, Хузуних углубившись в горные ущелья, построил город Хузунихет³⁰, так названный по его имени.

В течение долгого времени жители севера были данниками Хазар.

§4. После того на Востоке потомки Неброта стали усиливаться числом. Между ними явился некто Абридон, о котором говорят, что он железными цепями приковал князя змей, Биратна, к пустынным горам Раиса, как о том написано в персидских книгах³¹. Владея Персией и принудив к дани многие народы, он отправил в Грузию полководца Адрама³², также из потомков

²⁸ Неизвестно, где находилась крепость Даби. В списке населенных мест у Вахушта, стр. 479, встречается деревня Даба, в долине речки Садгер.

²⁹ Дуцук или Дурцук, название народности, жившей, вероятно, в Чечне. Это имя, кроме истории Грузии, встречается только в новом списке географии Хоренского, изданном в Венеции.

³⁰ Должно быть, Хунзах, на аварском Кой-му.

³¹ Намек на Шах-наме.

³² Адрам, ниже Адармос, Адрамас и пр.

Неброта. Тот прибыл в страну, покорил ее, разорил города и крепости, и истребил всех бывших там Хазар. На берегу моря он построил Дарбанд, что означает: «запри ворота». Этот же Адармос построил Мцхету из камня, сплоченного известью, и начал постройку стены от горы Армаза до реки (конец 230 стр.) Куры. До того времени в Грузии неизвестно было искусство строить из камня и извести. При разделе своих владений между тремя своими сыновьями Абридон дал Персию и Грузию одному из них, Иаред-ераху³³. Адармос долгое время привил Грузией. После него еще четыре начальника занимали его место.

В то время между сыновьями Абридона возникли несогласия, и два брата, условившись вместе, умертвили Ариадареха. Воспользовавшись этим, Грузины призвали себе на помощь Осов, умертвили персидского правителя во время его прогулке в поле, истребили войска его и освободились от Персов. Только области Ран и Герет остались во власти Персов.

После того Кекапос, царь Персии, восстановив свою власть, вступил в Мовкан и в Герет, и приготовился к вторжению в Лекет. Но владетель Лекет³⁴, родственник (потомок?) Хузаниха, будучи волшебником, чарами своими нагнал слепоту на Кекапоса и на войска его, так что те должны были воротиться назад. Но вскоре глаза их открылись и они, подчинив себе Грузию, удалились.

§5. В то время распространилась удивительная молва, что Моисей, любимец великого Бога, перевел через Черное море 12 колен, числом шесть тем, находившихся в то время в Синайской пустыне и питавшихся манною, то есть, хлебом, нисходившим с небес. Язычники, сведав о том, славили Бога Израилева.

§6. В то время Армяне, соединившись со всеми народами Торгома, отложились от Персов и стали укреплять свои города и замки. Кекапос в гнев отправил против них полководца своего Параборота с многочисленным войском. Армяне и Грузины выступили против него в Атрпатакане и разбили его. Параборот с несколькими спутниками едва успел спастись бегством.

Тогда разгневанный Кекапос отправил против них внука своего Квехосрова, сына прекрасного Шиуаша, убитого турками. Армяне и Грузины, будучи не в силах сопротивляться ему, были (растоптаны ногами)

³³ Иаред-ерах, несколько ниже Ариадарех, в груз. тексте: Иаред, есть искажение имени Иредж, третьего сына Феридуна. О смерти Иреджа см. Шах-наме, т. I гл. VI.

³⁴ Лезгин.

раздавлены. Квехосров назначил правителей (в покоренных странах), построил в Атрпатакане молитвенный дом для обрядов своей религии, и, воротившись в землю свою, стал **(конец 231 стр.)** воевать с турками, которые убили отца его. От него бежало 28 семейств турецких, которые, прибыв к мцхетскому танутеру, просили его отвести им для поселения пещеру, находившуюся к востоку от города. Они обвели ее стеной, устроив в ней свое жилище, и назвали ее Саркине, то есть, «железным рудником». Воспользовавшись тем, что Квехосров занят был войной с Армянами и Грузинами, они умертвили персидского правителя и крепили свои замки.

§7. В то же время стали прибывать в Грузию переселенцы из Греции, Сирии, Хазарии, бежавшие от неприятельских вторжений. Их принимали охотно с целью воспользоваться их помощью против Персов.

В то же время пришли в Грузию Евреи, спасшиеся от Навуходоносора. Они просили у Мцхетского танутера места для жительства, обзавясь платить дань. Тот дал им (участок) у реки Арагвы, на ручье Запав. Это место получило название Херк, по случаю платимой дани³⁵. До сего времени (употребительным) языком у Грузин был армянский. С этих же пор, вследствие смешения его с языками различных народов, поселившихся между ними, образовался грузинский язык.

§8. После того Грузины усвоили веру и нравы нескромные и более скверные, чем у других народов. В браках они не различали (степеней) родства, употребляли в пищу насекомых, червей и трупы, и не хоронили мертвых (буквально: и не было у них могил).

После того, некто Спандиар³⁶, царь Персидский, сын Ваштапиша, выступил против Армян и Грузин. Но лишь только он прибыл в Атрпатакан, как получил известие, что Турки умертвили его дядю (брата отца). Он тотчас вернулся в Теркестан, а Армяне и Грузины отдохнули. После того царствовал над Персами Вахрам, сын Спандиара, называвшийся также Арташесом. Он был могущественнее других персидских царей, взял Вавилон, и подчинил дани Сирию, Грецию и Грузию.

В то время в Грузии говорили по-армянски, по-хазарски, по-еврейски, по-гречески, по-сирийски, и из смешения их образовался язык грузинский. **(конец 232 стр.)**

³⁵ Этимология насильственная, так как по-грузински дань не херки, а харки.

³⁶ В грузинской редакции у Броссе: SpandiatRouali, filsdeWachtab.

§9. В то время возвысился в Македонии Александр Великий, сын Нектапеба Египетского, и подчинил себе три угла света. Направившись с запада на север и обойдя восток, он проник в темную страну. Перейдя Кавказ, он вступил в страну Грузин и был поражен их гнусным образом жизни. Встретив у них множество крепостей, Александр в течении шести месяцев утомлял свои войска взятием замков: Цонда, Хертис, Удзрхе, построенные на скале Ладас; Тугарс на сперской реке Чорох, Урбпис, Касб, Уплис-цихе, то есть, владычную крепость; Мцхету, предместье Саркине; Цихис-диди – большую крепость; Занав, населенный евреями; Риша, Майраберд³⁷, Шамшуде и Хунан – Курскую крепость. В этих крепостях он встретил мужественных воинов и потому распределил между ними свои войска, а сам остановился в местечке Астаки.

Непреступных крепостей Тугарс и Хунан Александр не одолел. Осада Саркине продолжалось 12 месяцев, и так как жители его оскорбили Александра, то он не заключал с ними мира. Вследствие чего они пробили мягкий камень пещеры и с противоположной стороны бежали ночью на Кавказ. В других местах Александр умертвил много народу, увлек в неволю женщин и невинных детей до 12-летнего возраста, и назначил патриком, то есть правителем края, македонянина Азона. Он поручил ему стотысячное войско, состоявшее из так называемых протитосиков³⁸, людей неистовых и свирепы. Так как они сильно притесняли Греков, то Александр удалил их из Греции и поручил Азону. Из среды их Азон назначил начальников по всей Грузии.

Александр предписал Азону чествовать солнце, луну и пять звезд и служить единому Господу Богу, творцу неба и земли. То же самое он повелел всей стране, так как в то время не было еще провозвестника истины.

Азон разрушил все крепости кроме четырех, защищавших входы в Грузию³⁹ и снабдил их гарнизонами. Кроме того он (конец 233 стр.) подчинил себе Леков, Оссов и Хазар, и властвовал над всею Грузией, начиная от Герета и Бердахоча до моря Сперского.

Подчинив себе в течение 12-тилетнего царствования все вселенную, Александр на 12-м году вернул бывших у него в услужении заложников в их страны. Разделив между четырьмя своими родственниками свои владения, он

³⁷ В грузинской редакции Деда-цихе.

³⁸ В редакции Вахтанга: протатос должно быть протактос, поставленный в первый ряд.

³⁹ О четырех входах в Грузию со стороны Колхиды, Кавказских гор, Албании и Армении, по долинам рек Фазиса, Арагвы, алазани и неизвестной реки; см. Srtab. Casaub., стр. 500.

дал Антиоху, строителю Антиохии, Ассирию; Ромосу, построившему город, называвшийся его именем, он дал Западную Грецию; Бизантосу, строителю Византии, он дал Фракию, Вифнию и Грузию, письменно повелевав Азону повиноваться ему. Отправив Платона в Египет и дав ему Александрию, Александр скончался. Вскоре после того Азон, забыв религию предписанную Александром, сделал два серебряных идола, Гаима и Гацима и поклонился им.

Человек жестокий и корыстолюбивый, Азон повиновался Бизанту, и предписал своим приверженцам отнимать имущество и умерщвлять каждого богатого и удачливого Грузина. Также поступал он и с Греками, из которых умертвил многих.

§10. В то время был избран (то есть, стал заметен) некто Парнаваз из потомков Мцхита. Мать его была Персианка из Испагана. Он был сыном сестры Самароса танутера Мцхетского во время похода Александра, который и убил его.

Человек разумный, искусный охотник, Парнаваз сделался известным Азону. Мать Парнаваза говорила ему: «Не открывайся Азону. Увези меня в Испаган к братьям моим. Спаси себя и меня». Но Парнаваз не соглашался покинуть свое отечество. Раз ему приснился сон, будто он находится в весьма тесном доме, хочет выйти, но не может. Вдруг в окно проник луч солнца, обхватил его за поясицу и вынес из дома. На выходе он видел себя близким к солнцу, утер пот и помазал лицо свое (?). Проснувшись, он сказал себе: «Если я пойду в Испаган, благо мне будет». И решился ехать. В тот же день он вышел один на охоту, увидел зверя у Тифлисского оврага, пустил в него стрелу. Дичь свалилась в каменистое ущелье (?); Парнаваз бросился за нею. Между тем солнце закатилось, и ночь захватила его там. Пошел дождь, смешанный со снегом. Ища себе убежище, Парнаваз увидел заделанный с давних лет камнями и уже раз – **(конец 234 стр.)** валившийся вход. Он открыл его и увидел обширную пещеру наполненную золотыми и серебряными сокровищами. Обрадовавшись и вспомнив сон, он пошел и призвал мать и двух сестер своих. Они всю ночь набирали сокровища и скрыли их под рукой в разных потайных местах. Парнаваз посылает в Куджи и говорит: «У меня много скота. Хочешь, я приду к тебе, и уведем его, и объявим себя против Азона». Услыша то, Куджи обрадовался и сказал: «Приди ко мне и воспользуемся стадом для того, чтобы добыть войска против Азона. Возрадуется Грузия, а Греция поможет нам, так как Азон

возмутился против нее»⁴⁰. Отправился Парнаваз с семейством своим к Куджи, который принял его с радостью и сказал: « Ты приходишь от древнейших танутеров грузинских и тебе подобает власть. Ты господин, а я твой слуга». В то же время они уведомили Осов и Леков, которые также обрадовались, потому что Азон сильно притеснял их данью. Собралось к ним таким образом весьма много конного войска. Также пришло много из страны Егеров.

Услышав о том, Азон собрал свои войска, из которых тысяча человек отделились и перешли к Парнавазу. Не полагаясь на остальные войска, Азон бежал в крепости Кларджетские. Тогда Парнаваз пошел на Мцхету, взял ее, а также четыре крепости близлежащие, и завоевал всю Грузию в течение одного года. Он отправил к Антиоху послов с большими дарами, обещал служить ему и просил помощи против Греков. Антиох охотно принял его предложение, назвал его сыном своим, послал ему корону, и предложил князьям армянским идти ему на помощь. В следующем году Азон, соединившись с Греками, собрал значительное конное войско и пошел на Парнаваза. Этот также собрал своих, и, получив войско от Антиоха, раньше Азона успел достигнуть области и города Артагана, называющегося тогда Каджац-Кагак. Там произошла встреча. Разбитый Азон, умер на месте; войско греческое также потерпело поражение. Парнаваз прешел в области гречиские, полонил Анци, Анцура и Елекацик. На обратном пути он овладел Кларджетом. Воротившись с великим ликованием в Мцхету, он захватил все сокровища Азона. И возвеличился он сильно, и выдал одну сестру свою за осского царя, а другую за Куджиса. И дал ему земли между рекой Егерской и (конец 235 стр.) Рионом до великой горы, под которою живут Егерцы и Соны, и обезопасил себя от врагов. Куджи построил крепость Куджи. Парнаваз назначил в своих владениях восемь воевод и одного спарапета: одного воеводу в Лехских горах; тот построил две крепости: Шаран и Димна. Второго отправил в Кахет; третьего в область, простиравшуюся от Бердахоча до Тифлиса и Гаченка, называемого Гардабан. Четвертого послал в Шамшуйльде и дал ему земли от Скакурета до Ташира и Абоцка. Пятого отправил в Цунди и дал ему земли от Парвана до истоков Куры, то есть, Джавахет до Артахана. Шестого отправил в Удзрхис, дал ему от Тайк до Арсиана, и с входа в Востан до Моря, то есть, Самцхе и Аджару. Седьмого отправил в Кларджет, дав ему земли, лежавшие между Арсианом и Морем. Восьмого отправил в Куджает и в Егер. Спарапета назначили над страной от

⁴⁰ Все это место переведено приблизительно, так как текст искажен.

Тифлиса и арагвы до ворот Тайк⁴¹, то есть над Внутренним Картли, Все платили Парнавазу дань и были покорны его власти. Привели ему жену из Дурцукского народа Кавказа. И устроилась Грузия по образцу Персидского государства.

Греки не могли беспокоить его, потому что сами заняты были войной с Римлянами. Парнаваз обвел стеною Мцхету и крепости, разрушенные Александром. Он воздвиг большого идола, носившего его имя, то есть Армаз, потому что Персы звали Парнаваза Армазом. И поставил он идола на вершине горы Картлоса, и эта гора до сих пор называется горой Армаз. Воцарившись двадцати пяти лет, он процарствовал 65 лет спокойно и радостно, служа царю Антиоху.

Осень и весну он проводил в Мцхете, зиму в Гаченке, а лето в Джавахети. Иногда он заезжал в Кларджет и в Егрис, заботясь о благосостоянии провинций, ибо человек он был мудрый и опытный. Тысячу человек, перешедших к нему от Азона, он распределил по разным областям Грузии, назвал их Азонцами, и покровительствовал им. И вся Грузия, принося жертвы идолу, говорила: «Благодарение нашей надежде (?) за то, что мы получили царя из рода предка нашего, Картлоса». Сына своего он назвал Саурмаком. Парнаваз был первым царем из рода Картлоса. Он издал повеление по всей стране говорить по-грузински, и со- **(конец 236 стр.)** здал письма грузинские. Когда он умер, его похоронили перед идолом, Армазом.

§11. В том же году воцарился его сын, Саурмак, которого князья грузинские решили убить, предпочитая повиноваться не своему соплеменнику, а чужому, кто будет сильнее. Сведая о том, Саурмак взял с собой мать свою и бежал в Дурцукет к братьям ее. Но войско, называемое Азонцы, помня благодеяния его отца, собралось к нему. Он призвал к себе на помощь царя Оссов, выступил в поход и без труда завладел всей страной. Он истребил врагов своих, иных простил, причем возвеличил Азонцев и унизил Грузин. Половину размножившихся потомков Кавказа переселил в Мтиулет, то есть в Сванетию (sic), а начальников их назвал своими доверенными. Он воздвиг четырех идолов по дороге Мцхетской: Айнину и Дадану, и женился на персианке, дочери князя Партавского. И было у него две дочери, из которых одну он выдал за перса Мрвана, сына тетки жены своей, и назвал его сыном своим; а другую – за сына Куджи, который приходился ему

⁴¹ В грузинском тексте: Тасис-Кар.

двоюродным братом (в тексте: сыном сестры отца). Пожив долгие годы Саурмак умер, и воцарился на место его Мрван, человек благоразумный, храбрый и собою красивый. Между тем Дурдзукцы, забыв о союзе и соединившись с Чартальцами, жителями Кавказа, вышли из земли своей и опустошили Кахетию и Базалет. Тогда Мрван, собрав своих верных всадников и пеших, пошел на Дурцукцию. В жестокой битве Дурцукцы были побеждены и разбиты. Мрван вступил в землю их, взяв Дзурдзук, Чартал и проход Кразмен. После того он вернулся в Мцхет.

Умер Антиох, царь Сирии и Вавилона, а в Армении воцарился Арбак, за сына которого Мрван выдал дочь свою, и затем умер. И воцарился сын его Парнаджум, который построил крепость Адин, а в ней воздвиг идола. Он также построил город в Кахетии, Некрез. Оказывая расположение магам персидского учения, он построил место, называемое ныне Могда, где воздвигнул жертвенник огня. Обиженные Грузины обратились к царю Армянскому Варбаку и просили его дать им в цари сына своего «ибо», говорили они, - «наш царь сделался персианином, забыл веру отцов своих и не следует отеческой религии». Царь Армянский с радостью (принял и) воротил послов. Услыхав о том, Парнаджум привел войска из Персии и где только мог собрать их, и выступил (**конец 237 стр.**) против царя Армянского. Варбакес сразился с ним во главе Армян и Грузин в области Ташир, умертвил его и совершенно истребил войска его. И воцарил сына своего Арбака⁴², который женат был на дочери Мрвана.

Царствование его было благополучно. Он построил множество замков, укрепил стены Цунды, города в Джавахети и после благополучной жизни умер.

После него царствовал над Грузинами сын его Артак в течение двух лет. В его дни вторглись (в Грузию) Персы, чтобы отомстить за кровь Парнаджума, и так как Артак не мог сопротивляться им открыто, то защищался за укреплениями. А те ушли, захватив с собою все, что нашли в открытых местах.

После Артака воцарился сын его Бартон. Между тем сын Парнаджума Мрван, воспитанный в Персии, с помощью Персов выступил против Бартона, и отправил гонца к князьям грузинским, требуя, чтоб они отступились от Бартона. Но те не послушались и воевали с Мрваном целый месяц в окрестностях Хунана, но были разбиты. Бартон также пал в битве. Так как у

⁴² В грузинском тексте вернее: Аршака.

него не было сына, то он выдал дочь свою замуж за сына Куджиса – Картама, чтобы сделать его наследником престола. Так поступил он, чтоб угодить Грузинам, которые желали иметь царя из потомков Парнаваза, а не из чужестранцев. Но и Картам был убит в битве. Жена его, дочь Бартона, будучи беременна, отправилась в Армению и там разрешилась сыном, которого назвала Андрик.

Между тем Мрван выступил в Грузию, завладел всею страной, подчинил себе тех, кто защищался в замках, а тех, которые укрылись в непреступных местах, вывел из этих мест, дав им клятву. В Шамшуйльде он взял жену Бартона, Аршакидского происхождения, и женился на ней. У него родился сын, названный Арбак. Жил Мрван немного лет и умер, и воцарился сын его Арбак.

Андрик, воспитанный в Армении, сделался человеком видным и отличился в войне Армян с Сирийцами, у которых он умертвил многих богатырей. Взяв армянские войска, он воевал с Арбаком в стране Трелы (Триалет), то есть, Цагкан. В течение целого дня они дрались на мечях, изломали их, и никто из (**конец 238 стр.**) них не обратил тыла. На другой день бились палицами, окованными железом, и били ими друг друга, как кузнецы молотами по наковальне, и все-таки ни одна сторона не уступила. Тогда схватились за луки и стали метать стрелы, и пронзил Андрик стрелою грудь Арбака, брата матери своей, и убил его. Грузины обратились в бегство. Андрик, снизойдя к просьбе Армян, приказал остановить истребление Грузин, говоря: «С этих пор, благодаря вам, я царь их». И все войско грузинское преклонило пред ним колени. Возложив на главу его корону Арбака, Армяне, Грузины и дом Арана заключили между собою тесный союз. Андрику было тридцать лет при воцарении, и царствовал он над Грузией сорок пять лет, взяв в супружество дочь царя Армянского.

ОБЪЯСНЕНИЕ

К § 1. Хроника начинается тем, что устанавливает близкое кровное родство между самыми разнородными народностями Кавказа и Закавказья, считая их прародителей сыновьями одного отца. Ясно, что это известие извлечено автором не из книг; ни и в сказаниях народных он не мог встретить ничего подобного. Остается предположить, что оно прямо сочинено с целью указанною в конце введения.

Обыкновенно в действительных представлениях народа о своем происхождении лежат, если не точные исторические факты, то такие

вымыслы, которые покоятся на основах поэтической правды. Здесь же, без всякого основания, без всякой необходимости сгруппированы в ближайшее между собой родство самые разнообразные народы, как по происхождению, так и по языку. Автор считает, например, Грузин и Мингрельцев за отдельные народности и на его названия выражают не какие-нибудь этнические термины, а жителей областей: Аррана, Мовакана, Герета, без ближайшего определения их народности. Эти племена и областные названия он без всякого стеснения обращает в эпонимы, прибавляя к ним чуждое грузинскому языку окончание «ос», и делает из них восемь братьев, сыновей одного отца, Торгома. Замечательно, что он это же окончание прибавляет и к эпонимам Картвельского и Мингрельского племен (Картлос, Егрос), которые **(конец 239 стр.)** должны были иметь архететов с именами, составленными в духе грузинского языка, а не с греческим окончанием. И такое странное явление не поражало грузинского читателя с самого начала!

В третьей главе Ванских надписей (Ж. М. Н. Пр. 1875 июнь) мы уже рассматривали значение Торгома в генеалогии армянских родоначальников и объясняли, каким путем это имя могло перейти из семитического мира в армянский. В Истории Грузии мы не видим этих оснований. Между тем в ней приведена та же генеалогия с известными отступлениями, от Библии, как и у Моисея Хоренского: Иафет-Гомер-Тирас-Торгом.

Толкователи родословной таблицы Моисея обыкновенно производят Иверов от Тубала и Мешеа или Мосоха. Иосиф Флавий также говорит: *Thobelus Thobelis sedem dedit, qui nostra aetate Iberi vocantur*: I, с. VI. Эти два имени неразлучны с первого их появления в Истории. В ассирийских памятниках мы встречаем в Кападокии народ Муски, Мускаи, а за ним западнее Табалов. В Библии Тубал и Мешех тоже встречаются вместе, но множительство их не ясно определено, хотя упоминание об их участии в полчищах Гога дает право предполагать, что они жили где-то в соседстве с Кавказскими странами. У Геродота (III, 94) Мосхи и Тибарены вместе с Макронами, Мозинайками и Марами составляют XIX сатрапию и платят 300 талантов. Такое их перечисление переносит нас к юго-восточной стороне Черного моря в Малой Азии, следовательно, в соседство с Понтом Каппадокийским⁴³. Известные Грекам Тибарены и Мосхи живут гораздо севернее ассирийских Табал и Муски, потому ли, что Греки говорили о северных, а Ассирийцы о южных поселенцах этих народов, или потому, что

⁴³ См. новую статью Ф Ленормана в *Museon* за 1883 г., кн II, стр. 210-244: *Les peuples de Toubal et de Meschech*.

жившие в ассирийскую эпоху в Каппадокии Муски и Табалы, во времена греческие были двинуты на север. У классиков рядом с Moschi часто встречаются Kolchi, жившие севернее последних, как у Ассирийцев за Мусками Kaski, в которых многие узнают Колхов. (См. Schrader, Keilischr. Und Gesch., 155 – 158). В другом месте, перечисляя различные народы, входившие в состав Ксерксова войска, Геродот (VII, 78) говорит, что Мосхи, Тибарены, Макроны и Мозипонки (**конец 240 стр.**) были одинаково вооружены, но первые два находились под командой отдельного начальника. Замечательно, что в трех списках стран, дошедших до нас в надписях Дария, имена этих народов не встречаются вовсе. Из Ксенофонта, Страбона и других мы узнаем, что Тибарены жили в их время на юго-восточном берегу Черного моря, а Мосхи восточнее их, следовательно, приблизительно в тех местах, где позже мы встречаем поселения Иверийского племени. Выражения Месх, Месхет означают у Грузин местность у Ахалцыха по верхнему течению Куры. Одним словом, все указывает на то, что в древнейших своих преданиях Грузины (или некоторые из Иверийских племен) должны были производить себя от Тубала и Мешеха, если бы, как думают иные, в Хронике сохранился отклик от времен доисторических. Но вместо этого мы встречаем нечто особое, приведенное в искусственную связь с библейскими преданиями. Предполагать, что в глубокой древности родословная таблица книги Бытия была Грузинам известна из источников общих источникам Библии – натяжка безосновательная. Едва ли можно допустить и такое предположение, какое делает г. Броссе (Hist. de la Georg. Introd. XIX): Грузины могли быть знакомы с Библией за семь веков до Р.Х. от переселения в Грузию израильских пленников. Спрашивается, во-первых, почему же генеалогия патриархов от Иафета до Торгома не сходна с тем, что мы встречаем в библейском сказании⁴⁴. Во-вторых, кто сообщил автору, жившему в XI веке, что и как думали предки Грузин за 18 столетий до него о своем происхождении? Письменных памятников не было, а устные сказания не живут в народе 18 веков, без искажения имен и фактов.

Вернее всего допустить, что автор сам возымел намерение связать начало Грузинского народа с библейским сказанием. Но в таком случае, почему он не держался строго Моисеевской таблицы и не выводил грузинских родоначальников прямо из правильного ряда потомков одного из сыновей Иафета? Ясно, что он желал родоначальника Грузин сделать братом родоначальника Армян; а таковым, по Хоренскому, был Гайк, сын Торгома –

⁴⁴ В этом несходстве Броссе (Introd. IV) находит основание для предположения, что Грузины не в Библии, а в своих преданиях черпали известия о своем происхождении от Иафета через Иавана и Таршиша!

Тираса – Гомера – Иафета. Очевидно, брат Гайка должен был иметь (**конец 241 стр.**) также предков. Вот почему и автор создает генеалогию: Картлос, сын Торгома – Тираса – Гомера – Иафета, то есть, допускает для генеалогии Грузин те же отступления от Библии, какие были, по известным уже нам причинам, сделаны Хоренским.

В III-ей главе Ванских надписей мы видели, что Греки называли эпонима армянского народа Арменосом, а Армяне, называющие себя Гаями – Гайком. Грузины называют армян Сомехи. Следовало ожидать, что они эпонима Армян назовут Сомехом, или наконец, Арменосом по примеру Груков. Ни то, ни другое: они называют его Гайком (Гаос – у Вахушти), как у Хоренского.

Не менее странно и то обстоятельство, что родоначальник известного народа в его древнейших сказаниях поставлен ниже родоначальника другого народа и даже в зависимости от него. В летописи мы видим такое явление. Из всех сыновей Торгома важнейшую роль играет не Картлос, эпоним Грузин, а Гайк, подобного которому не было на земле ни до, ни после потопа и до настоящего времени. Почему в дальнейшем изложении не Картлос действующее лицо, а все тот же Гайк? Опять-таки потому, что автору известна была из Хоренского история Гайка, которую он целиком, хотя и своими словами, извлекает из Истории Армении. По Хоренскому же переданы все подробности борьбы Гайка с Небротом. Что же делает в это время Картлос, от которого пошел Грузинский народ? Он, вместе с братьями своими, помогает Гайку, а впоследствии основывает несколько крепостей и замков. И ни одного героического подвига! Мы полагаем, что, даже вымышляя всю доисторическую генеалогию, автор не мог бы поступить таким образом, если бы он был природным Грузином; в народном же воззрении на свою древность он еще менее мог встретить нечто подобное. Таким образом, с самого начала обнаруживается, что летописец не в народных сказаниях черпал свои известия о первобытной Истории Грузии, а частью в книгах, ему доступных, частью в области вымыслов.

Распределяя свои владения, заключающиеся в землях, лежавших между Черным и Каспийским морями, Кавказом и Курдистаном, Торгом отделяет Гайку половину всех своих владений, а другую половину отдает остальным семи своими сыновьями. Картлос получает собственно Грузию до Сурамского хребта, за которым до понтийского моря простираются земли брата его (**конец 242 стр.**) Егроса, эпонима Мингрелии. Для Ранцев (жителей Аррана) к востоку от Дебеды до слияния Куры и Аракса, летописец создает

эпоним не по имени народа или области, а по названию главного города этой области, Партава, и то не по древнему его произношению, а по позднему встречающемуся у арабских писателей и сохранившемуся до ныне, Барда. Из этого названия, прибавив к нему греческое окончание «ос», летописец и создает Бардоса.

Достаточно одного взгляда на карту, чтоб угадать, какие уделы получили остальные братья Картлоса: Мовакан, Лекос и Кавказ.

Северными пределами Кавказа и Мингрелии считаются реки: Ломек (Терек) и Хазарская река (Кубань).

Странное понятие имеет также автор о местожительстве Неброта. Он у него действует в Адербейджане, а потомки его (то есть Персы?), как мы увидим ниже, также из Адербейджана делают вторжения в Армению и Грузию.

После счастливо оконченной борьбы с Небротом, все братья, в том числе и Картлос, признают своим царем Гайка. Таким образом, по летописцу, все древнейшие воспоминания Грузин говорят об их исконном подчинении Армянам.

Если подобный взгляд на грузинскую древность относительно зависимости Грузин от Армян не есть вымысел автора, а составляет отголосок действительного предания, то он мог бы в некоторой степени быть объяснен следующим соображением: В первые века христианства, как нам известно от современников, часто нынешняя Грузия, по южному берегу Куры, входила в состав Армянского царства. Области Тайк и Гугарк (Gogarena) в политическом отношении принадлежали Армении и составляли, первая – четырнадцатую, а вторая – тринадцатую провинции этого государства. Но население этих местностей было вероятно, и в то время на половину грузинское. Впоследствии, с образованием Грузинского царства, в них стали господствовать Грузины и политически. Сами Грузины считали Гугарк армянской провинцией, так как называли ее Сомхет, то есть Арменией. У местных жителей могло сохраниться воспоминание об их прежней зависимости от Армян.

Как бы то ни было, из рассмотренного нами параграфа мы приходим к заключению, что автор древней Грузинской Летописи едва ли был природный Грузин, вероятнее всего – малограмотный (конец 243 стр.) армянский монах, и что он черпал свои сведения не из народных сказаний, а

из книг, ему доступных, и до сих пор преимущественно из Хоренского, пользовавшегося во все времена громадным авторитетом у Армян. Не малую роль играют в сообщениях автора и его собственные вымыслы.

К § 2. Картлос, эпоним Картвельского племени, по обыкновению мнимо-народных сказаний, передает, конечно, свое имя всей стране, которая только поэтому начинает называться Картли. Название Армаз не существовало при Картлосе, а было дано одной горе только при Парнавазе, как утверждает ниже автор. Далее в летописи говорится о сыновьях и внуках Картлоса, имена которых читатель сам легко создаст, если обратить внимание на названия следующих местностей: 1) Мцхета, древний город, при слиянии Куры и Арагвы; 2) и 3) Гардабан и Гачиан, два эристава; 4) Кахет, Кахетия, то есть, местность населенная племенами Кахов; 5) Кухет, часть Кахетии; 6) Уплис-цихе, пещерный город, высеченный в скале недалеко от Гори; 7) Одерхе, город; 8) Джавахет, известная область. Стоит только ко всем этим названиям прибавить греческое окончание «ос», из первых пяти получаются пять сыновей Картлоса, а в последних трех окажутся имена детей старшего его сына, Мцхетоса. При названиях Кахет, Кухет и Джавахет предварительно отбрасывается местный суффикс «ет», и затем уже прибавляется «ос». В имени Мцхетоса этот суффикс не выброшен, потому что точное название города не Мцхет, а Мцхита, у Птолемея Μεοτλήτα, вероятно, вместо Μεοτχητα.

Замечательно бесцеремонное отношение автора к грузинскому языку. Так, к чисто-грузинскому слову упали, род. уплис, он приделал греческое окончание, чтобы создать собственное имя, Уплос, по своему рецепту. Это имя нужно было ему для объяснения названия города Уплис-цихе (слово в слово: крепость господина, владельца). Это совершенно то же самое, если бы для объяснения названия Царского Села обратился не к русскому слову царь, а к сочиненному имени Царос. В другом месте сам автор (или его армянский переводчик) говорит, что Уплис-цихе значит крепость владельца; но собственное имя, им созданное, тем не менее осталось. И так, эти продукты фантазии летописца, каковы: Картлос, Мцхетос, Уплос и др., не только не возбудили протеста или улыбки со стороны читателей, но вскоре сделались по- **(конец 244 стр.)** популярными, а в настоящее время получили даже историческую санкцию в народной памяти. В то же время они не раз вводили в заблуждение и серьезных ученых. Так, один из известных современных

географов, Вивьен де-Сен-Мартен⁴⁵, разбирая библейские значение термины Мешех и Тубал, находить в названии города Мцхеты намек на первый. Это открытие, которое, впрочем, весьма естественно представлялось и многим другим исследователям, наполняет его таким восторгом и благодарностью к Грузинской Летописи, что он и второй термин с удивительной легкостью объясняет из той же Хроники. Он говорит: «Тубала Св. Писания нельзя не узнать в Уплосе Грузинской Летописи. Эти два имени, Тубал и Уплос, тождественны, потому что прибавка начальной согласной буквы (т) вовсе не изменяет их физиономии: Ouplus, Toubl. Доказывать по своему идентичность Тубала и грузинского Уплоса, В. де-Сен-Мартен уже гораздо смелее приступает к своим дальнейшим выводам и оканчивает их приведением к одному корню – Ouplis этнических и географических названий: Oublis, Toubal, Taubal, Tiber, Tabar, Taber, Imer, Iber, Ivir и пр.!

Что касается происхождения названия города Мцхеты, то если даже и прав Броссе (Hist. de la Georg. Introd. IX), уверяя, что это имя по законам грузинского языка не может происходить от имени Месхов, – его нельзя никак отделить от названия территории Самцхе (Ахалцыхский округ), в котором с X века упоминается область Месхет.

Об именах Кахоса, Кухоса, Гардабоса и других излишне говорить: они и так понятны.

Таким образом, становится ясным, почему ни Картлос, ни сыновья его, ни внуки не совершают никаких подвигов. С именами их в народе не связано никаких воспоминаний. Эти мнимо-исторические или даже мнимо-мифические лица были созданы с определенной целью, то есть, для того, чтобы дать свои имена известным местностям. Удовлетворив этой цели автора, они исчезают бесследно. Таким образом и в этом параграфе мы не нашли ничего исторического или народного (**конец 245 стр.**).

К § 3. Здесь говорит автор о вторжении в Грузию Хазар чуть ли не за 2000 лет до Р.Х. Само собою разумеется, что и эта часть его рассказа имеет такое же историческое значение, как предыдущая, то есть ровно никакого. Любой изобретательный писатель легко может сообщить десятки подобных неопределенных известий, неподдающихся никакому приурочению. Люди,

⁴⁵ Recherches sur les populations primitives et les plus anciennes traditions du Caucase, в Nouvelles Annales des Voyages, 1846, t. III, p. 309

привыкшие относиться с доверием к памятникам народной старины, но не вникшие в процесс образования этой Хроники, могут предполагать в повествовании грузинского хронографа историческую основу, извиняя самый анахронизм объяснением, что в народных преданиях имя древних набегников на Грузию с течением времени пришло в забвение, и что оно было заменено позднейшим, но более известным именем Хазар. Такое объяснение можно было бы допустить, если бы колорит факта был яснее, характернее намечен, если бы сообщения летописца можно было с достаточным вероятием угадать, например походы Киммериян, Саков, или даже Гуннов, хотя бы с изменением их имен и с некоторыми хронологическими уклонениями. На деле мы видим совсем не то. Рассказывается что-то весьма туманное, но что совершалось в Грузии несколько десятков раз с незапамятных времен и до XV столетия, то есть, о вторжениях северных племен через ущелья Дербендское и Дарьяльское. То, что говорится в Хронике о Хазарах первого доисторического периода, равномерно может относиться и к Гуннам, и к Кипчакам, и поэтому нет никакого основания считать рассказ летописца за древнее предание, обыкновенно более определенное и рельефное. И наконец, откуда автор XI – XII века мог добыть эти известия? Если из древних местных письменных памятников, то их не было; а если бы они были, то факты имели бы большую определенность, и в них не упоминалось бы имя Хазар. Если же известия добыты из народных преданий, в которых имя древнего народа было заменено именем позднейших Хазар, то таким преданиям едва ли можно придавать значение на том основании, что ни в каком народе не могут сохраниться устные предания в течение 2000 – 3000 лет... Предполагая, что летописец, говоря о Хазарах, приводит действительное народное предание, Клапрот (*Journ. Asiat.* XII, 537) хочет в этом рассказе видеть слабое воспоминание о походе Скифов под предводительством Мадиеса в 633 году до Р. Х. Если даже в XI веке и сохранилась (**конец 246 стр.**) в народе какие-то предания о древних вторжениях в Грузию с севера, то таких вторжений было так много, что по оставшимся данным ни один историк не может угадать с достаточною ясностью, о каком именно вторжении говорится у летописца. Наконец, можно было бы принять к сведению толкование Клапрота в том случае, если бы все, что говорит автор до и после рассказа о Хазарах, переносило бы нас в какую-нибудь определенную историческую эпоху. На деле этого нет. Но, может быть, автор заимствовал свой рассказ из какого-либо иностранного книжного сообщения? Пожалуй. В Шах-Наме⁴⁶

⁴⁶ Mohl, t. IV, стр. 269 – 278.

сообщается, что в царствовании Лохраспа, Гуштасп, по поручению императора Румского, выступил против Хазарского царя Илиаса и умертвил его. В историческом отношении оба известия стоят одно другого. Если это место в Шах-Наме было известно летописцу, то он мог рассуждать так: Хазары, прежде чем появились на пределах Рума (Малой Азии), должны были пройти через Грузию, и, следовательно, могли опустошить и полонить ее. Как бы то ни было, мне кажется, столь ранний поход Хазар в Грузию изобретен автором, чтобы пополнить пробел, оставшийся за недостатком фактов.

К § 4. Автор обращает Персов в потомков Неброта и намекает на какую-то Персидскую книгу. Можно подумать, что существовала какая-то персидская книга, в которой описаны были дружественные и враждебные отношения Персов к Грузии. Но вчитавшись в рассказ, видим, что такой книги вовсе не было, и что автор заимствовал и переделал на свой лад с искажением имен то, что рассказывается в Шах-Наме. Имена Абридон, Бюрасп, Раис, Иаред-Ирах, Кекапос, Бейверасна, Реи, Иареджа, Кей-Кауса, Кей-Хосрова, Сиануша, и то, что о них рассказывается в Хронике, явно заимствовано из Фирдуси, в чем легко убедиться из следующих выписок содержания Шах-наме:

Один из мифических царей династии Пишдадиан, Феридун, с помощью кузнеца Каве, освободил свое отечество от ига тирана Зохака, прозванного Бейвересп. Зохак царствовал тысячу лет. От поцелуя Аримана у него на плечах выросли змеи, которые ежедневно питались мозгами двух людей (От того и **(конец 247 стр.)** назван он у нашего автора князем змей). Феридун победил этого Зохака-Бюраспа, приковал его железными цепями к горе Демавенд⁴⁷. Вместо Демавенд в Хроники стоит Ранс, то есть, Рен, так как Демавенд находится недалеко от этого города и может называться Горою Рен.

Не могу объяснить себе происхождение Адрамоса из потомков Неброта. Откуда взял его автор?

Одно может быть справедливо в этом параграфе, а именно то, что Грузины до прихода Персов не знали искусства сплачивать при постройках

⁴⁷ Mohl, t. I, chap. V.

камни посредством извести, на что указывают в настоящее время древние развалины в горах Кавказских.

Далее следуют новые заимствования из Шах-Наме. У Феридуна было, по сказаниям, три сына: Селм, Тур и Ирадж, между которыми он еще при жизни разделил свои владения. Первому он дал Рум, второму Туркестан и Китай, а третий получил страну Героев – Иран. Движимые завистью, два старших брата умертвили Ираджа и отправили к Феридуну набальзамированную голову его любимца. Летописец к уделу Ираджа, Ирану, добавляет, во-первых, от себя Грузию, а затем, смертью Ираджа пользуется, чтобы сказать несколько слов и о Грузии. Он говорит, что во время смут, возникших за умерщвление Ираджа, Грузины, воспользовались обстоятельствами, призвали к себе на помощь Оссов, умертвили Адармоса, персидского правителя Грузии, и таким образом освободились из-под власти Персов, оставив в их владении только восточную часть Грузии. Читателю заметно, что летописец факты (если таковые когда-либо имели место) из истории Грузии втискивает в рамки Книге Царей, не найдя для них более удобной обстановки.

Но мы не кончили еще с заимствованиями из Фирдуси.

По эпическим сказаниям Персов, место Пишдадиев заняла новая династия Кеянидов. Второй царь этой династии, Кей-куас (Кеканос хронографа), наслышавшись о богатстве и прелестях жизни в Мазандеране, предпринял туда завоевательный поход. Белый див, покровитель Мазандерана, поразил как Кей-Кауса, так и все войско его слепотой. Призванный на помощь. Национальный богатырь Рустем, совершив свои семь подвигов, умертвил наконец Белого дива и освободил Кей-Кауса и все иранское вой- (**конец 248 стр.**) ско. Для возвращения зрения царю и его войску пришлось влить им в глаза крови Белого дива.

Грузинский хронограф, очевидно, знал содержание этого отрывка; но приводя его в своем рассказе, он вместо Мазандерана ставит Грузию, а Белого дива заменяет царем Леков, волшебником и потомком Хузаниха.

К § 5. Относительно этого параграфа мы отсылаем читателя к первой главе Книги Чисел.

К § 6. «В то время (то есть, при Кей-Каусе и во время исхода Израильтян из Египта), Армяне и все другие народы Торгомова дома отложились от Персов» и пр. Мы не намерены опровергать эти сказки, но будем продолжать открывать в летописи следы Шах-Наме. У Кей-Кауса, - говорится в Книге Царей – между другими богатырями был и Ферибурз или Фарабурз. Это и есть Парaborод или Фарабород Грузинской летописи. Далее, перебрав несколько книг Шах-Наме, мы узнаем, что любимым сыном Кей-Кауса был прекрасный Сиавуш, который с приятною наружностью соединил возвышенные качества души. Преследуемый мстью отвергнутой им мачехи, он бежал ко двору Туранского царя Афрасиаба, где нашел убежище, и женился на дочери царя. Брат Афрасиаба, завидуя успехам Сиавуша, до тех пор чернил его перед царем, пока тот не дает приказания умертвить его, что и приводится в исполнение. Сиавуш, однако, имел малолетнего сына от дочери Афрасиаба. То был Кей-Хосров, после долгих препятствий достигший Ирана, где прекрасный Кей-Каус назначает его своим преемником. Первым делом Кай-Хосрова по вступлению на престол было отомстить Туранцам за вероломно убитого отца своего, Сиавуша. После многих поражений, понесенных отдельными иранскими богатырями – Тусом, Ферибурзом и другими, Рустему удалось, наконец, опустошить весь Туран и истребить все туранское войско и их союзников. В Шах-Наме говорится в этом месте о Туранцах, а не о турках, как у нашего писателя. Последнее название было более доступно для грузинского писателя XI – XII столетия. Смешением Туранцев с Турками грешит часто и Фирдуси; но он, оставаясь верен источникам, часто, особенно в древнейшую эпоху сказаний, упоминает только о Туранцах.

И в этом параграфе летописец вставляет несколько неопределенных фактов, якобы из Истории Грузии, в рассказ Фирдуси, (**конец 249 стр.**) и тем мечтает пополнить недостаток действительно древних известий.

В конце параграфа приводится местное предание о переселении в Грузию 28 турецких семейств. Потомки этих Турок – говорится далее в § 9, - оказав сопротивление Александру Великому, бежали за горы. К чему было говорить о том, что несколько турецких семейств в незапамятные времена поселились в Грузии и затем, при Александре, исчезли без следа? Очевидно, здесь автор недоговаривает чего-то. Мы отчасти отгадываем, в чем дело, и постараемся изложить – о чем и по каким причинам умалчивает автор.

Выше в Ведении, мы видели, что лучше всех армянских писателей с древней Грузинской Летописью знаком был Степанос или Стефан Сюнийский, писавший в конце XIII столетия. Мы также привели часть его извлечений из Грузинской Книги. Его извлечения из этой книги ограничиваются, однако, вышеприведенными строками. Он делает дальнейшие из нее заимствования. Только в них мы видим некоторое отступление от того, что ныне встречается в Армянской Хронике и в Анналах Вахтанга. Он, например, переселенцев, поселившихся в Грузии при Мцхетских танутерах (мамасахлисах), называет Ченами, а не Турками. Этот Стефан, митрополит Сюнийский, из знаменитого рода армянских Орбелианов, задался мыслью собрать в одно все древние известия касательно своего рода, и с этой целью он, прежде всего, обращается к существовавшей в его время Грузинской Хронике. Не лишним считаем привести здесь его словами то место, которое, составляя, по словам Стефана, продолжение вышеприведенной нами из Истории Грузии выписки, с одной стороны, касается ченских переселенцев, с другой – пополняет существующий пробел в Грузинской летописи: «В то время начались смуты и междоусобия в стране Ченастан⁴⁸ на Востоке, (конец 250 стр.) которая находится за страну Халандров, в смежности с Гуннами и Хазарами, и простирается до горы Имауса. После смерти царя, называвшегося Чен-Бакур, члены царственной фамилии вступили между собою в борьбу. Одна сторона одержала верх, другая обратилась в бегство. Во главе последней находился муж искусный, сильный, видный и красивый собою, во цвете лет. Захватив с собою свое семейство, дружину и царские сокровища, на летучих конях он быстро пронесся по многим странам с таким ужасающим видом, что никто не осмелился остановить его. Пройдя через проход Дарьяльский они (беглецы), как бы по внушению свыше, пришли в страну Картль, к владельцу (танутеру) Мцхетскому. Увидя, что Иверы угнетены и забиты Персами, они обратились к танутеру и к вельможам со следующей речью: «Мы из царского рода Ченов, и отделившись от братьев наших, пришли сюда. Нам нравится гористая местность ваша. Боги, видя стесненное положение ваше, привели нас к вам. Мы, было думали отправиться в царство Персидское, или к императорам Греческим. Но если мы вам нравимся, приготовьте нам место

⁴⁸ Китайцев и Китай Персы называют Чин и Чинастан. Армянские формы этих названий обыкновенно транскрибируются через Тчен и Тченастан по восточному выговору и Джен по западному. Так как ни та, ни другая транскрипция не выражает вполне армянское произношение, то и буду просто писать Чен и Ченастан. Здесь речь идет не о собственном Китае, а о китайских владениях, в которых в первые века нашей эры принадлежали многие страны Средней Азии и области к северу от Каспийского моря до Волги, а может быть, и далее.

для поселения. В таком случае мы останемся у вас и освободим вас от всех притеснителей ваших. В противном случае мы уйдем своею дорогой, куда поведет нас бог наш». Вельможи страны, увидев этих сильных и энергичных мужей и услышав их приятные речи, весьма обрадовались их приходу. Они снарядили великий пир, оказали им блестящий прием и почет, и очень их полюбили. Для жительства и для обороны себя они дали им неприступную крепость Орбет, построенную Картлосом, а также множество областей, больших селений и замков в наследственную собственность. Удовлетворенные этим, Чены поселились в Орбете и после долгого времени стали называться Орбули (читай: Орбели), то есть, Орбетскими... а прежде того звали их Ченеулами, то есть Ченами.

«Между тем эти Чены, соединив Иверов, и образовав из них войско, устремились на всех противников их и, поразив Персов, изгнали их из пределов Грузии. И наступило в стране спокойствие. За услуги, оказанные Ченами, из среды их стали назначать спарапетов и главнокомандующих иверскими войсками. При воцарении в Иверии первого царя Парнаваза, Орбели были осыпаны особыми почестями, так что во всей Иверии не было им подобного и равного, кроме царя. Вот все, что мы могли узнать из грузинских книг. Долго после того, вследствие ненависти к (конец 251 стр.) ним царя Георгия, который истребил весь их род в Иверии, имена Орбелианов были вычеркнуты не только в Истории Иверии, но и в других книгах и в надписях церковных. С крайним усилием нам удалось собрать краткие о них известия, частью от людей сведущих, частью из надписей, сохранившихся в разных местах, а главное из семейных преданий, передаваемых отцами детям и дошедших до нашего времени. Но так как подлинные известия обо всех подвигах и великих деяниях рода Орбелиан в Иверии подверглись дерзновенному уничтожению в их Исторической книге, называемой Картлис-Цховреба, то мы не могли в точности познакомиться с происшествиями, чтобы изложить их в нашем сочинении. Кое-что нашли мы в армянских книгах, в том числе повесть об истреблении этого рода, которую мы изложили здесь в том виде, в каком она сообщена в прекрасной истории Мхитара Анеци».

Этот отрывок до слов: «Долго после того» взят Стефаном, как он уверяет, из Грузинской Хроники, хотя его, как мы видели, нет в настоящее время ни в Армянской Хронике, ни в Редакции Вахтанга. Таким образом отрывочный рассказ анонима о прибытии Турок получается в извлечении

Стефана определенный смысл, приурочившись к преданиям о происхождении рода князей Орбелиан. Но «действительно ли Стефан извлек свой рассказ о начале рода Орбелиан из Грузинской Летописи? Нам кажется, что нет, и вот почему. Если Анналы Вахтанга редактированы довольно поздно, в начале XVIII столетия, то армянский перевод существовал задолго до Стефана, и, следовательно, должен был сохраниться в том виде, в каком его видел Стефан. Однако, рассказа об Орбелианах нет ни в грузинской, ни в армянской редакциях. Нельзя предполагать, чтобы это место книги было выкинуто по общему согласию всеми владельцами рукописей на обоих языках. Стефан говорит, что царь Георгий приказал вычеркнуть из Грузинской Истории память о роде Орбелиан. Допустим, что Георгий имел причины ненавидеть Орбелианов, и ненависть его была так велика, что он приказал вычеркнуть их имена из единственного исторического памятника Грузии. Но исполнимо ли такое приказание? Вы- **(конец 252 стр.)** черкнутое в одном экземпляре сохранилось бы в других. Кроме того, Орбелианы не вечно были в опале. В годы своего могущества и влияния они могли восстановить выкинутое. Да, наконец, столь знатный род не оставил бы без протеста такое оскорбление своего имени, и в письменных источниках грузинских сохранились бы следы этого протеста. Но ничего подобного не было и нет. И так, мы полагаем, что хотя предания о честном происхождении и существовали в семействе Орбелиан, но они, по известным причинам, не входили в рассказ анонимного летописца, сторонника Багратидов. Можно только угадывать, что летописец сначала имел в виду сообщить предания об Орбелианах, но раздумал, находя для себя не целесообразным говорить о них. А может быть, ему было внушено выкинуть это место из своей летописи, и это обстоятельство послужило поводом образования предания о том, что царь Георгий приказал в летописях вымарать все касавшееся Орбелиан.

Еще одно обстоятельство, подтверждающее наше предположение, что предание о начале рода Орбелианов взял Стефан не из Грузинской Хроники. Вначале он говорит, что Орбелианы прибыли в Грузию при мцхетских танутерах, согласно тому, что говорится в летописи о приходе Турок. Далее он поясняет, что прибытие Орбелиан происходило во II в. по Р. Х. Это противоречие доказывает, что не в летописи он черпал свои известия, а только вставил в рамку летописи свои фамильные предания. Обратимся, однако, к нашему разбору.

Оба текста (Армянская Хроника и Стефан) одинаково говорят о приходе северных поселенцев в Грузию в эпоху владычества Кай-Хосрова, следовательно, еще в мифический период истории Грузии. Более значительная разница замечается при определении их национальности. Наш текст называет их Турками и тем обнаруживает свое позднейшее происхождение. Стефан же, верный преданию, производит их из рода Ченского царя Чен-Бакура. Это последнее, как уже давно замечено было Сен-Мартеном (Мет. II, 54), не есть собственное имя царя, а по всей вероятности, переделка титула фагфур (у Масуди – *baghbouir* из *bagha-putra*, то есть, сын бога), который Персы давали владельцам Китая. Что и сами Орбелианы производили себя от этого Чен-Бакура, доказывается существованием фамилии князей Джамбарян, Орбелиани-Джамбакуриан⁴⁹. **(конец 253 стр.)**

Относительно времени прибытия Орбелиан в Грузию, как мы говорили уже, существовало еще другое мнение. Изложив часть своих извлечений из Грузинской книги, Стефан прибавляет уже от себя на основании фамильных преданий и сообщений Мхитара Анеци о катастрофе: «И это в 626 – 1177 году. Так совершилось истребление Орбелианов и изгнание их из их родовых владений. Со времени прихода их из страны Ченской до того времени (то есть, до истребления их в 1177 году), кажется, прошло более тысячи лет». В таком виде это предание приобретает некоторую историческую почву, общую другим сказаниям, ходившим в Армении. Там, несколько древних авторов IV, V и VII веков также рассказывают о прибытии в Армению ченских переселенцев почти при тех же обстоятельствах, причем они также сделались родоначальниками княжеского рода – Мамиконян. Эти последние предания имеют перед Орбелиановскими преимущество давности, так как записаны многими веками ранее. Вот в чем они заключаются. В кн. II, гл. 81, Хоренский говорит: «Арташир, сын Сасана, умирая, оставил персидский престол сыну своему Шапуху. В дни его прибыл в Армению предок рода Мамиконян из северо-востока, из страны великой и важнейшей из всех северных стран, а именно Ченской. О нем рассказывается следующее: «В последние годы жизни Арташира некто Арбок-Ченбакур (таков титул царей в их стране) имел двух молочных братьев, Бгдоха и Мамгуна, людей знатных. Бгдох оклеветал Мамгуна перед царем Ченским, Арбоком, который приказал умертвить его. Узнав о том, Мамгун не явился на зов царя, и со всеми домочадцами своими бежал к Арташиру, царю Персидскому. Арбок отправляет к Арташиру послов, требует выдачи (беглецов). Когда Арташир

⁴⁹ Brosset, *Histoire de la Siounie*, p. 212, note.

не исполнил его требования, царь Ченский стал готовиться к войне. Между тем Арташир умирает и воцаряется Шапук. «Шапук, хотя и не выдает Мамгуна в руки его царя, но также и не оставляет его в стране Арийской. Он отправляет его со всем семейством, как изгнанника, к своим правителям в Армению, а к царю Ченов посылает сказать: «Да не покажется тебе обидным, что я не выдал в твои руки Мамгуна. Отец мой клялся ему светом солнца. Но чтобы успокоить тебя, я изгнал его из страны моей на край земли, где заходит солнце, что для него равносильно смерти». И так как народ Ченский, говорит, миролюбивее всех народов, то Арбок согласился на мир. (конец 254 стр.) Из этого явствует, что Чен действительно любят мир и жизнь».

Описав в кратких словах плодородие и богатство страны Ченской (то есть, Китая в настоящем смысле) Хоренский продолжает: «Мамгун, против воли своей, пришедший в страну нашу одновременно с возвратившемся туда Трдатом, не вернулся обратно с персидским войском, но со всеми домочадцами своими пошел на встречу Трдату и поднес ему богатые дары. Трдат принял его, но не взял с собою на войну против Персов. Он отвел ему и домочадцам его места для поселения, назначил им содержание и в течение многих лет менял их места». Таков рассказ Хоренского о предке знатного и сильного в его время рода князей Мамиконян, прибывших в Армению за два века до того времени, то есть, в половине III столетия. В этом рассказе нельзя не видеть очевидного сходства с тем, что передает Стефан в конце XIII века о предках князей Орбелиан: тот же Чен-Бакур, те же раздоры в царском семействе, то же бегство из страны Ченской, но не через Персию, как говорит Хоренский, а через Кавказский хребет и Дарьял. Далее Хоренский рассказывает о том, как Мамгун, по приказанию Трдата, истребил древний, но строптивый, род князей Слкуни, завладел их землями и сделался одним из могущественных феодалов армянских. Славная впоследствии роль их в судьбах Армении известна всем знакомым с историей Армении.

Обратимся к другому историку. Себеос, живший в половине VII века, был современником императора Иракла и Хозроя II, падения Сасанидов и первых вторжений Арабов в Переднюю Азию. Он оставил после себя правдивый рассказ обо всем им виданном и слышанном. Из трех книг Истории, ему приписываемой, только третья книга, несомненно, принадлежит ему. Первые две составлены из отрывков, писанных частью раньше, частью позже VII века. Во второй книге мы встречаем отрывок, сообщаемый лицом, слышавшим рассказ при дворе царя Хозроя. Вот этот

отрывок: «Скажем несколько слов о роде князей Мамиконян. Они не происходили от потомков родоначальника Араманьяка (то есть, не были коренного армянского происхождения), но пришли из Ченастана в дни Парфянского царя Артевана и Армянского царя Хосрова Великого, как я слышал от знатного мужа, прибывшего послом от Ченского царя к Хосрову, и кото- (конец 255 стр.) рого я спросил при дворе царском: «Есть в Армении знаменитый род, о котором говорится, что он переселился из страны вашей?». Он отвечал мне: «Песнопевцы и в нашей стране говорят в песнях своих, что были два знатных мужа, Мамик и Конак, сыновья Карнама, бывшего вторым лицом в царстве Ченском. После смерти Карнама царь взял жену его в супружество и имел от нее сына, который, после смерти отца своего, наследовал ему и вступил на отцовский престол. Но Мамик и Конак, бывшие ему братьями по матери, а не по отцу, возмутились против него, и, привлекая на свою сторону часть войска и знати, составили заговор и покусились на преступное дело: они хотели умертвить брата своего, царя Ченского, Чен-Бакура, и овладеть его царством. В одной части государства Мамик и Конак вербовали себе войска против царя, так что все войско той страны разделилось на два лагеря. Узнав о том, Чен-Бакур также собрал своих приверженцев и пошел войной на мятежников. При столкновении царские войска одолели и истребили мятежников. Мамик и Конак обратились в бегство и отправились к Аршакидскому царю, жившему в Бахл-Шахастане, в стране Кушанской. В то время господствовал мир между этими государствами, и Чен-Бакур обратился к царю Кушанскому с просьбой, чтобы он «истребил их (беглецов); в противном случае прекратится мир, существующий между ними». Но царь Кушанский почувствовал к ним жалость, не выдал их в руки Чен-Бакура, а написал к нему дружеское послание следующего содержания: «Мир между ними да сохранится нерушимым! Я клялся им, что они не умрут. Но я приказывал отвести их на запад, на край земли, в те места, где заходит солнце». В то же время Парфянский царь приказал войскам своим увести беглецов с женами, детьми и всеми домочадцами в землю Армянскую к родственнику своему, также Аршакиду, бывшему царю Армении. В этой стране они сильно размножились и образовали великий род (происходивший) от Мамика и Конака, который сделался⁵⁰ спарапетом (главнокомандующим конницей)». Мне кажется, к Конаку относится и следующее место во втором отрывке Себеоса: «Корнак, спарапет Хосрова Великого, отца Трдата. Говорит, что он

⁵⁰ Фраза не совсем понятна в тексте.

жил 160 (**конец 256 стр.**) лет и до самой смерти сохранил зрение, слух, зубы и силу молодости» (стр. 13 – 14 моего издания).

Эта редакция, записанная двумя столетиями позже⁵¹ Хоренского, в главных чертах сходна с первой, хотя и различается в подробностях. В ней прибытие Мамиконянов отодвигается на целое поколение, то есть, к концу II или к началу III века. При этом путь их лежит из Балха в Армению также через Персию.

Ченское происхождение рода Мамиконян подтверждается еще более ранними писателями, как например, Фаустом в конце IV века. У него, во время войны царя Папа (370 – 377 гг.) с Персами, спарпет его Мушег Мамиконян одержал несколько блестящих побед над последними. Но другие князья и придворные, завидуя славе Мушега, оклеветали его перед царем, как изменника. Однако Пап вскоре разгадал интриги придворных. Фауст влагает по этому случаю следующие слова в уста Папа: «Те, которые злословят храброго и именитого мужа, Мушега, сами достойны смерти. Знатностью рода он равен нам; предки его равны предкам нашим. Предки его, покинув царство Ченское, пришли к нам, и за предков наших жили и умирали» и пр. (стр. 167 моего издания). Несколько позже при царе Вараздате (377 – 382 гг.), умирившем Мушега, спарпетом провозгласил себя брат убитого Мануэль. Не признавая Вараздата законным царем Армении, он послал ему сказать: «Все мы (Мамиконяны) умирали за вас. Но вы Аршакиды, умерщвляли и тех из нас, которых щадила война. Ты вероломно умертвил брата моего Мушега на пиршестве. Впрочем, ты не Аршакид, а плод прелюбодеяния, и потому ты не оценил услуг, оказанных нами Аршакидам. Не были мы вашими рабами, а были равны вам и даже выше вас, ибо предки наши были царями Ченов, и только вследствие раздоров наших братьев, - причем много было пролито крови – мы ушли из родины и пришли сюда искать спокойствие. Прежние цари Аршакиды – знали, кто мы и откуда мы. И так как ты не Аршакид, то уходи из этой страны, чтобы не умереть от руки моей» и пр. (стр. 203) (**конец 257 стр.**).

Из всего вышеизложенного вытекает, во-первых, то, что Мамиконяны с самых давних пор считали себя людьми ченского происхождения, и во-вторых, что они прибыли в Армению не позже III века по Р. Х. Должность

⁵¹ Может быть, и гораздо раньше, так как состояние текста не позволяет нам судить о том, из каких источников составлено второе приложение.

спарапета была долгое время наследственной в их роде. Обязанные царям своими владениями и могуществом, они всегда отличались особенною преданностью царскому роду и менее других влиятельных родов думали о личных своих выгодах.

Хотя в существующей Грузинской Летописи вовсе не упоминается о происхождении князей Орбелиан от Ченов, мы, однако не имеем причин не верить Орбелиану XIII века, тем более что существование фамилии Джамбакуриан служит побочным подтверждением известия приводимого Стефаном. Это известие до того сходно с преданиями о происхождении князей Мамиконян, что всякому бросается в глаза. Тот же Чен-Бакур, те же раздоры в царском семействе, то же бегство в страны прикавказские. Очевидно, это одно и то же предание о событии, имевшем место в конце II или в начале III века. Разница в одно или в два поколения не может в этом случае иметь значение, так как Стефан писал по устным преданиям спустя 1100 лет после самого события. Имея все это в виду, можно прийти к заключению, что предки Орбелиан, как и предки Мамиконян, принадлежали к одному и тому же царскому роду Ченов и бежали из своего отечества одновременно и при одних и тех же обстоятельствах: первые в Грузию, вторые в Армению, и оба быстро положили основание двум могущественным владетельным родам. Но на таком выводе мы не можем остановиться окончательно. Древние армянские писатели, писавшие спустя 100 – 300 лет по прибытии Мамиконян в Армению, не могли бы не упомянуть о знаменитом и влиятельном княжеском роде в Грузии, стоявшем в столь близких родственных отношениях к любимой всеми и популярной Армении фамилии Мамиконян. Кроме того, ни в грузинских, ни в армянских памятниках, ни в надписях церковных, ни разу не встречается имя Орбелиан раньше IX века, и нигде не говорится, чтобы они играли какую-либо важную роль в Грузии до этой эпохи. А между тем, именно в это время армянские Мамиконяны захудали и вскоре исчезли с исторической сцены.

Вопрос может быть разрешен только следующим предположением: Орбелианы – отрасль Мамиконян, переселившаяся из (конец 258 стр.) Армении в Грузию, или вместе со своими владениями, вступившие в подданство Грузии. И в этом нет ничего невероятного. Некоторые провинции, частью населенные грузинами, каковы Гугарк и Тайк, то есть, значительная часть позднейшего Грузинского царства, долгое время входили в состав армянского государства, хотя фактически и пользовались часто

самостоятельностью. В этих провинциях отдельные Мамиконяны могли иметь свои владения и даже владеть крепостью Орбет (в Гугарк), откуда и самоназвание Орбели, то есть, владетели Орбетские. Когда впоследствии, после падения Армении, провинции Гугарк и Тайк вошли в состав Грузинского царства, эти Орбетские Мамиконяны могли легко превратиться в Орбелианов и затем в качестве грузинских князей участвовать в судьбах своего отечества. И помимо этого, мы не раз видим Мамиконянов в близких отношениях к правителям Грузии. Так в V еще веке мы имеем известие о том, что грузинские и гугарские владетели роднились с Мамиконянами: Вардан Мамиконян и владетельный князь грузинский Ашуша оба были женаты на родных сестрах, дочерях князя Арцруни (Лаз. Парп. 148); другой владетель грузинский, Вазден, был женат на дочери Мамиконяна. Дети одного Мамиконяна воспитывались при дворе того же Ашуши. Таких случаев было, конечно, не мало. Знатность происхождения и личные качества, отличавшие Мамиконянов, давали им легкий доступ к высшим должностям, и так как должность спарапета Армении была наследственно в их роде, то и в Грузии отрасли их, Орбелианам, была поручена эта же должность спарапета и также, вероятно, наследственно.

Только под условием нашего предположения становится понятным, почему у обоих родов, Мамиконян и Орбелиан, одни и те же предания, относительно происхождения их предков. С течением времени эти предания, вследствие разных причин, подверглись некоторым изменениям: например, Мамиконяны, по армянским источникам (IV – VII стол.), пришли в Армению через Персию, а Орбелианы (по Стефану, XIII стол.) через Кавказ и Дарьялское ущелье; а в редакции Вахтанга (вначале XVIII стол.) говорится даже: Турки, разбитые Кай-Хосровом, переплыли Гурганское море (то есть Каспий), и, поднявшись по Куре, пришли в Мцхету.

Ко всему вышесказанному следует присовокупить то обстоятельство, что еще до конца XIII века Орбелианы, если не все, то **(конец 259 стр.)** большею частью, исповедали армянскую веру, и сыном одного из них был сам Стефан, митрополит Сюнийский.

Мамиконяны, бывшие в Армении постоянными соперниками Багратуни, продолжали и в Грузии в лице Орбелианов соперничать с царствовавшими Багратидами. Их знатность, богатство, воинские таланты, честолюбие, не смотря на важные услуги, оказывая ими Грузии, не могли не

беспокоить Багратидов и не внушать им опасений. Такое впечатление получит всякий, прочитав Историю Вахтанга от X до XIII столетия. Анонимный автор, писавший историю Грузии по внушению Багратидов, не мог, в самом начале этой истории, славить древность рода Орбелианов и делать, таким образом, Багратидов позднейшими поселенцами в Грузии. Может быть, говоря о Турках, он и хотел коснуться этого пункта, но раздумал и заставил этих Турок удалиться из Грузии при Александре Великом.

Оставим вопрос о происхождении рода Орбелиан открытым и перейдем к выводам другого рода.

Пользуясь случаем, я хочу исчерпать вопрос о Ченах по-армянским источника. В вышеизложенном мы имели случай познакомиться несколько с тем, что понимали Армяне под словом Чен. В Истории Хоренского и в Географии, ему приписываемой, мы имеем три отрывка, в которых описывается Ченастан, то есть, собственно Китай, *Serica* у древних писателей. Не считаю лишним привести эти отрывки.

В Истории Хоренского (кн. II, гл. 81): «Ченастан изумляет обилием плодов всякого рода; страна эта украшена прекрасными растениями; богата шафраном, павлинами и шелком. В ней несметное количество ланей, носорогов (?) и тех животных, которых называют ослами-сернами. Говорят, что фазан, лебедь (?) подобная птица, доступна у нас только знатным и то не всем, там обыкновенная пища. Вельможи, говорят, не знают там счета драгоценным камням и жемчугу. Роскошная и не многим у нас доступная одежда, у них обыкновенное одеяние».

В Географии Хоренского по старому списку⁵²: «Ченастан, к востоку от Скифии, простирается до Неизвестной земли и включает в себе пространные равнины. В нем живут 29 народов, из которых один – людоеды. Много гор и рек. В Ченастане добы- (конец 260 стр.) выется конница, *hoshi-buak* (?) (китайское благовонное растение) (?), кассия, серикон (*sericum*), а также водятся: носороги (?), мускусная кабрга, много павлинов, несметное количество шафрана и много шелка превосходного достоинства. Вследствие такого изобилия произведений, жители Ченастана весьма промышленны, фабрикуют бумажные ткани (керпас), богаты и зажиточны. Царь их

⁵² См. Арм. Геогр. VII века.

называется Чен-Бакур. Он живет в городе Сюрия (Sera) на пределах Неизвестной земли».

Из той же географии по новому списку⁵³: «Сюрикия, то есть, Ченк, к востоку от Скифии, граничит ею с запада; с севера и с востока – Неизвестной землей; с юга – Индией и страной Sinae. Ченастан есть страна обширных равнин, населенных 29 народами, из которых один – людоеды у Неизвестной земли. В нем шесть гор. Ченастан производит корицу, касимон из горы Кассия, скютикан (scythicum рубин (?) огненного цвета, самородный), носорогов (?), мускус, множество павлинов и других полезных птиц и несметное количество шафрану, так что всадник, отправляясь на охоту на белой лошади, с белым соколом, возвращается совершенно пожелтевшим. Добывается шелку много и лучшего достоинства, чем на всей земле, а потому промышленные жители ткут ткани и обогащаются. Царь Ченов Чен-Бакур живет в городе Сюра, находящемся на юго-восточной окраине стран».

Все эти три отрывка относятся к описанию собственно Китая. В исторических же рассказах и преданиях под выражением страны или владений Ченов разумеется земли к северу от Оксуса, а иногда страны к северу от Персии, по направлению с востока на запад, к Каспийскому морю, а может быть и далее.

Приведу еще несколько примеров. Зеноб-Глак, которого до сих пор еще считают писателем IV века, говорит следующее: «Когда возгоралась война между царем персидским (Ардширом Бабеганом) и Хосровом Армянским, царь Ченов тщетно старался склонить их к миру. Хосров опустошал Персию в течение десяти лет. Наконец, царь Персидский отправил в Армению Аршакида Анака, который умертвил Хосрова. Из двух сыновей Анака один, Григорий, сделался впоследствии просветителем Армении. Другого, Сурена, дядьки его увезли ко двору Персидского (конец 261 стр.) царя, где он воспитывался у тетки своей, бывшей женой Ефталитского царя, Джеваншира. После смерти своей тетки, Хосровухи, Сурен отправился в страну Ченов и, по десятилетнему в ней пребыванию, вступил на престол и царствовал 19 лет».

Другое подобное предание о родоначальнике знаменитого рода Камсаркан, сохранилось у Хоренского. В нем говорится о другом

⁵³ См. Geogr. de Moise de Khor. Ven. 1881. p. 46, texte armen.

Аршакидском принце, Перозамате, который немного раньше Сурена был увезен дядькой ко двору Кушанского (Ефталитского) царя, и по достижении юношеского возраста, был назначен со стороны Арташира начальником войск против диких северных народов. Перозамат, победив Взурк-Хагана (великого хана), царя этих народов, женился на его дочери. После смерти Арташира, он, однако, не пожелал повиноваться Шапуху, и потому был им отправлен. Между тем сын его, Камсар, поставленный в необходимость бороться с двумя сильными царями, Шапухом и другим Взурк-Хаганом, приемником прежнего, предпочел переселиться с семейством и со всею своею дружиной в Армению, при царе Трдате, в III веке.

Хотя в этом последнем предании и не упоминается о Ченах, но говорится о великом Хагане Севера, а этот титул принадлежал в то время Ченскому царю.

Следует обратить внимание на то, что до сих пор все ченские предания Армян относятся к III веку и находятся в связи с переселением Аршакидских принцев в Армению, вследствие перемены династии в Персии. Замечательно, что мусульманские писатели титул *faghfur* (сын бога), одинаково придают и Китайским императорам, и первым Аршакидам. Это обстоятельство объясняет Ольсгаузен (*Monastder.* 1880, стр. 345) тем, что северо-восток Ирана с незапамятных времен находился в постоянных сношениях с Китаем, и что первые Аршакиды, уроженцы этой местности, вероятно, переняли этот титул у Китайцев, заменив сына Неба иранским выражением сын Бога.

Мы говорили о владычестве Ченов над среднеазиатскими областями. Как долго эти области находились под властью Китая, нам не известно. Но еще в VII веке встречаются известия о господстве в них Ченов. Так, у Себеоса (г. XVIII и XIX) мы читаем следующее: «Во время войны Персов с Кушанами (при Хосрое Парвизе, 590 – 627 гг.), последние обратились за помощью к великому Хагану Севера, который отправил к ним вспомогательное вой- **(конец 262 стр.)** ско под предводительством Джумбуха (то есть, Чен-Буха). Джембух, переправившись через реку Вех-рот (Аму-Дарью), разбил Персов и простер свои набеги до Апахана и Реи. Затем, по приказанию Хагана, он прекратил опустошение Персии, и снова перейдя реку, вернулся в страну свою. Вскоре после того армянские князья, служившие в персидских войсках, недовольные начальством, возмутились и перешли на службу великого Хагана, царя северных стран, под команду

Китайского Чепетуха (буквально: под руку Чепастан-Чепетуха). По приказанию Хагана, они по северным странам отправились с востока на запад и вошли в отряд Чепетуха, который, пройдя через проход Чора (Дербенд) с многочисленными полчищами, пошел на помощь императору Греческому (Ираклу).

Таким образом, оказывается, что в первой трети VII столетия Хазары были в зависимости от великого Хагана Севера и находились под непосредственным владычеством китайского или Китайца Чепетуха (имя это или звание?). Эти известия, хотя и не совсем ясно в тексте изложения, выводят нас на более знакомую почву сношений императора Иракла с Хазарами. Известно, что Хазары пришли к нему на помощь во время войны его с Хозроем II. Этого Чепетуха греческие писатели зовут Зибелем. В другом современном документе (Каганкатуаци, кн. II гл. 12) он назван Джебу-Хаганом (не одно ли и то же лицо с Джебухом Себеоса?), наместником великого царя севера и вторым лицом в царстве его. Следовательно, в начале VII столетия часть средней и южной России и области к северу от Каспийского моря, далеко на восток, признавали власть какого-то великого Хагана Севера, которому подчинен был и владетель Хазар, именуемый то Зибелом, то Ченастом-Чепетухом, то Джебу-Хаганом. Последнее название, кажется, вернее других. Несколько раньше, при Хозрое Нуширване, турецкий Хаган называется у Менандра Зилзибул. Он разрушил царство Ефталитов. Этот Зилзибула (может быть, Син-Зибула?) мы встречаем и у Табари (*Geschichte der Perser*... 158 sqq), где он назван Синджибу, то есть Син-Джибу, а так как Син или Чин значит Китаец, то можно предполагать, что и в источнике Табари его называли Китайцем или Китайским. Зибел VII века и Зилзибул VI века, кажется, тождественны как титул, а не как собственные имена, и, следовательно, в Джебу мы также должны видеть звание, а не собственное (конец 263 стр.) ное имя лица. Там же у Табари (стр. 167) говорится, что при дворе Хосроя I находились посланники от Турок, Китайцев, Хазар и других. И так, еще в начале VII века мы видим присутствие Ченского имени почти на берегах Волги. О наружности этого китайского Джебу современник говорит следующее: «Жители Тифлиса, осажденного Джебу-Хаганом, поставили на городскую стену огромную тыкву, нарисовали на ней портрет гуннского царя. Лицо в длину локоть и в ширину локоть, вместо глаз и ресниц незаметные черточки; на месте бороды отвратительно голое место; ноздри шириною в четверть, с редкими волосами на усах. При этом Тифлисцы кричали Хазарам: «Вот ваш

царь-император Джебу-Хаган, поклоняйтесь ему». Не смотря на большие искажения в тексте, в этом описании нельзя не узнать монгольского типа. Но дальше говоря о войске, современник еще яснее обозначает этот тип, рисуя его «отвратительной, гнусной, широколицей толпой, без ресниц, с висячими как у женщин косами». Эти косы, вероятно, служили отличительным признаком в наружности тогдашних Хазар, так как Иракл, приглашая их прийти к нему на помощь, обещает со своей стороны «насытить жажду златолюбивого народа Косоносцев (Кас. Ibid)». Была ли в то время у Китайцев мода заплетать волосы в косы, как ныне со времен Манджурской династии? Если была, то понятно, что и вассальные Хазары, по крайней мере начальники и знать, должны были подчиняться этой моде. У Иакинфа (Собр. свед. о нар. Средней Азии I, стр. 187). Мы встречаем известие о поколении Сяньбийских косоплетов в III и IV веках.

Таким образом, за много веков до XIII столетия, в восточной Европе и в средней Азии имели место такие же политические отношения, какие повторились впоследствии при Монголах. Как в это время Золотая Орда зависела от великого Хагана, жившего в Каракарум, так и в VII веке, а может быть и раньше, приволжские Хазары находились в вассальном отношении к великим Хаганам севера, жившем где-то в Средней Азии (?), но называвшимся в то время не Монголами, но Ченскими царями. Вот все что можно было извлечь о Ченах из армянских источников. Вопрос о политическом состоянии областей Средней Азии до VII века весьма сложен, и мы отнюдь не думали решать его. Мы только сгруппировали все, что касательно этого предмета встречается у армянских писателей, и предлагаем собранное как материал при **(конец 264 стр.)** исследованиях по этому вопросу. Сопоставление этих сведений с известиями византийских и арабских писателей может привести и к другим выпадам, то мы – повторяем еще раз – имели в виду только одних армянских писателей, большею частью современников эпохи.

К § 7. Здесь автор, по обыкновению, сообщает несколько неопределенных известий относительно переселения в Грузию разных иноплеменников из Греции, Сирии, Хазарии и Палестины. Все эти сообщения начинаются словами: в то время. Но в какое? Этого никак нельзя понять за отсутствием какого-либо положительного факта или хронологической опоры. Правда, говорится о Навуходоносоре, но рассказ взят из Хоренского, который также переселяет из Палестины в Армению

целую колонию евреев, отпущенную туда Навуходоносором (?) по просьбе Армянского царя Грачьи. Во главе этой колонии, говорит Хоренский, - находился знатный Еврей, Шамба, родоначальник Багратидов. Затем в хронике приводится наивное мнение о происхождении грузинского языка из смешения языков разных племен, поселившихся в Грузии. Это самое мнение повторено ниже в несколько других выражениях. Замечательно уверение автора, что первоначальным языком Грузин был армянский. Здесь опять напрашивается предположение о том, что первым составителем Хроники был Армянин. Нельзя себе представить, чтобы Грузин, каков бы ни был уровень его образования, мог высказать подобное мнение. Тем менее оно могло возникнуть в народном сознании. В Редакции Вахтанга также удержано это утверждение, из чего можно заключить, что оно действительно встречалось в древнем грузинском тексте.

К § 8. Далее автор уверяет, что древние Грузины имели нравы не скромные и употребляли в пищу трупы. Все это могло быть и не быть, смотря по тому, из каких источников заимствует автор свои сведения. Относительно вступления в брак без различия степеней родства и того, что Грузины не имели обыкновения хоронить мертвых, следует напомнить читателю, что то же самое делалось и в Персии до прекращения династии Сасанидов. По представлениям Авесты, браки с ближайшими родственниками, не исключая и сестер, были делом богоугодным, а прикосновение трупа к земле оскверняло эту стихию. Нет сомнения, религия Зороастра одно время господствовала в Грузии, на что, помимо других известий, указывает само имя верховного божества, Армаз, (**конец 265 стр.**) переделанного из Аурамазда. Багратиды уверяли Константина Порфирородного, что, женись на своих близких родственниках, они придерживались древнего еврейского обыкновения, и это обстоятельство они приводили в доказательство своего происхождения от пророка Давида. Мы видим, однако, что это было предписание персидской религии, обратившейся в обычай страны.

Факт употребления в пищу трупов встречается в истории многих народов, особенно в период первобытного их существования. Но питались ли когда-либо Грузины мертвечиной – нам не известно, и для решения этого вопроса нет достаточных данных. В другом месте Редакции Вахтанга (*Hist. de la Georgie*, стр. 44) говорится, что Грузины с уходом Александра перестали употреблять в пищу людей. То же самое повторяется и в Армянской Хронике

при описании прекращения рода Парнавазидов, когда князья, собравшись у Манжана, говорят ему: «Если бы был у нас царь, мы сложили бы головы свои за него; если бы у нас был наследник престола, мы скрылись бы в наших замках и ели бы человеческое мясо, как наши предки». Пословицу, придуманную Вахуштом в подтверждение слов летописца о каннибализме древних Грузин: «Карсанцы должны Кодманцам пять мертвых», – можно, по справедливому замечанию Броссе, объяснить в смысле мести, которая должна постигнуть пять человек из жителей Кодмана. Можно допустить, что и это известие взято автором не из народных преданий, а также из книг. Нечто подобное рассказывает Хоренский (II, 59) об Армянах II века по Р. Х., будто они кормились сырым мясом по примеру северных народов. Слово, им употребленное для выражения сырого мяса, также может означать употребление в пищу трупов животных. По уверению Фауста (кн. VI, гл. 4), патриарх Нерсес (IV в.) запретил Армянам употреблять в пищу мертвечину и кровь. Под выражением северные народы Армяне часто разумели и Грузин.

Далее, мы снова возвращаемся к заимствованиям из Фирдуси. Автор, чувствуя недостаток в положительных известиях, приводит незначительные факты из Шах-Наме, чтобы дать Армянам и Грузинам возможность отдохнуть от жестоких угнетений.

Спандиат, сын Ваштапиша, есть Исфендиар, сын Гуштаспа, прозванный руин-тен, то есть, медное тело. В Редакции Вахтанга, он поэтому и называется руали. Во время войны Иран- (конец 266 стр.) цев с Туранцами, Зерир, брат Гуштаспа, был убит Турками, как на этот раз и Фирдуси называет Туранцев. Исфендиар решил отмстить за эту смерть (Mohl, IV, 325-332).

Формы Спандиат и Ваштапиш против новейших Исфендиар и Гуштаси, встречающихся в Шах-Наме, можно объяснить влиянием армянских форм этих имен: Спандиат и Вштасп. Далее идет простое заимствование собственных имен из Шах-Наме. Вместо Вахрам, в Редакции Вахтанга стоит правильное: Бааман, сын Спандиата. Действительно, по сказаниям Персов, сыном Исфендиара был Бахман, называемый иными Ардаширом Долгоруким, о котором говорится, что он взял Вавилон⁵⁴, но о Грузии, конечно при этом не упоминается (Malkolm, Hist. of Persia, I, 68).

⁵⁴ В примечаниях к переводу Вахтанга Броссе говорит: *Wakhoucht falt remarquer avec raison, que Baaman est Cyrus, de qui Pentree en Perse se trouve par la fixee a Pan 530 avant O. C. Hist. de la Georgie, p. 32.* На такие отождествления можно было не ссылаться.

Говоря о Фирдуси и его Шах-Наме, как об одном из источников летописца, мы только приводим самый ранний кодекс персидских сказаний, доступных автору. Мы вовсе не хотим сказать, что он прямо из Шах-Наме заимствовал свои краткие известия. Если только автор пользовался письменными памятниками, то гораздо ближе предположить, что он черпал из какого-нибудь исторического компендиума, составленного из сокращения содержания Шах-Наме, а не прямо из Книги Царей. Нам могут по этому поводу сделать следующее возражение: Те древнеперсидские сказания, которые собраны были в XI веке и соединены в одно целое в Шах-Наме, несомненно, существовали задолго до Фирдуси и были распространены не только в разных областях Ирана, но даже и в Армении, как видно из разных отрывков, сохранившихся у Хоренского. Анонимный автор Грузинской Хроники мог поэтому жить гораздо раньше XI века и быть все-таки знакомым с ними. Такое возражение имело бы значение, если бы в заимствованиях анонима мы не встречали явных следов переработки персидских преданий в труде знаменитого поэта тусского. Все, что сохранилось из древнего эпоса Ирана, помимо Фирдуси, в так называемом Пехлевийских романах и в Истории Хоренского, относительно собственных имен и изложения фактов, отличается такими особенностями, что знатоку персидских древностей не пред- **(конец 267 стр.)** ставляется особого труда отделить древнейшие сказания Ирана от тех, которые встречаются в переработке Фирдуси. Я уже не говорю о том, что заимствования Грузинской Хроники изложены в той же хронологической последовательности, в какой находятся в Шах-Наме.

В конце параграфа автор еще раз повторяет высказанное им уже мнение, что грузинский язык образовался из смеси армянского, хазарского, еврейского, греческого и сирийского языков, предполагая, что первоначальным языком Грузин был все-таки армянский. Производя восемь народов от одного праотца, автор должен был быть последовательным, заставляя всех их говорить первоначально одним языком, армянским. Но при этом он не задает себе вопроса: почему Грузины, говорившие на своем родном армянском языке, были Грузины, а не Армяне, и почему им понадобился отдельный от Армян родоначальник Картлос?

К § 9. Поход Александра Великого настолько нам известен, что излишне распространяться о том, что царь Македонский не был нигде на Кавказе, а, следовательно – и в Грузии. Впрочем, не было бы ничего

удивительного в том, если бы в древних грузинских сказаниях говорилось о личном его пребывании в Грузии. Завоевания Александра оставили такой глубокий след в истории, что почти все народы Передней Азии рассказывают о его пребывании в их стране. Поэтому мы вовсе не находили бы странным, если бы у Грузин образовались предания о походах в их страну Александра, хотя такого похода никогда на деле не было. Но автор, по обыкновению, оставаясь глухим к народным сказаниям, предпочитает им заимствования из сомнительных книг или прямой вымысел для пополнения недостатка в точных известиях. Так он, согласно Хоренскому (II, 13) и историческим романам, распространенным в средние века во множестве списков, называет Александра сыном Нектапеба Египетского. Все дальнейшие сообщения его свидетельствуют только о полнейшем его незнакомстве с событиями и лицами эпохи, о которой он повествует. Из области народных преданий сохранилась у него, может быть, только личность Язона, который, впрочем, является в его истории Александра, под именем Азопа, в качестве полководца великого завоевателя. Путь, избранный Александром для вторжения в Грузию, отличается такой же определенностью, как и все сообщения автора до сих пор. Он заставляет завоевателя сделать удивительный маршрут (**конец 268 стр.**) сперва с запада на север, затем обойдя восток проникнуть в Темную, то есть, Неизвестную страну, откуда через Кавказ пробраться в Грузию. А в Редакции Вахтанга, в переводе Броссе: *Sorti de l'Occident, il all'avers le Sud, penetra dans le Nord et traversa le Sfulfse.* (Hist. de la Georgie, I, 32). Обе редакции стоят друг друга. Дело, вероятно, представлялось автору так: Александр из Македонии отправился в Персию, оттуда перейдя Оксус и Яскарт, по северному берегу Каспийского моря проник в южную Россию. Из Ставропольской губернии, пробравшись через Кавказ, он вступил в Грузию! При этом автор перечисляет все города, замки и крепости, забранные Александром. Все эти названия современны автору, но существовали ли они в эпоху Александра, остается для нас неизвестным. Также для нас темно, предание ли указывало автору на Астаки или Настаки, как на временное местопребывание Александра, или сам он по каким-нибудь соображениям нашел нужным поместить его в этом городе.

Истребив и полонив много народу, Александр назначает правителем Грузии Азона, в имени которого мы не можем не слышать отголоска о мифическом Язоне. Нет причин не верить тому, что в древности в местах, населенных Грузинами, ходили предания о Язоне, – если не о Язоне похода Аргонатов, то о другом древнем герое, носившем это имя. У Страбона

говорится: Язон, после морского путешествия в Колхиду с Теталийцем Арменом, дошел до Каспийского моря, странствовал по многим областям Иберии, Албании, Армении и Милии, на что указывают Язони и многие другие памятники. (См. изд. Казобона стр. 503, также стр. 45, 48, 493 – 530 и др.) На остальном повествовании об Александре мы долго не будем останавливаться. Название отряда протатосов указывает на какой-то греческий источник, но не известно, знаком ли был он автору непосредственно, или через вторые руки. Титул патрик, даваемый им Азону, мог быть ему неизвестен из современного употребления в стране. Что касается до посмертного распоряжения Александра относительно завоеванных земель, то в изложении автора едва можно видеть что-либо другое, кроме простого вымысла. Очевидно, Ромоса и Бизинтоса, мифических основателей Рима и Византии, автор сам обратил в сподвижников Александра. С Антиохом он мог быть знаком из Хоренского, или из Библии. В Платоне читатель, вероятно, должен узнавать Птоломея.

В Родословной таблице потомком Иафета, Редакция Вахтанга, отступая в этом месте от Армянской хроники, производит Грузин от Иавана, праотца Греков. Такая же попытка к сближению судеб этих народов обнаруживается в распоряжении Александра, по которому Фракия, Вифиния и Грузия достаются в удел Визинтосу, олицетворению Византии.

К § 10. Если мы признали за вымысел все, что говорит автор о Картлосе, Уплосе и других прародителей Грузин, то в сообщениях его о Парнавазе или Фарнавазе мы видим нечто другое. Хотя все, что рассказывается о нем, не включает в себе ничего чисто-исторического относительно верности изложенных фактов, однако в Парнавазе выступает перед нами, несомненно, личность народного героя. Можно даже с вероятностью предположить, что он – самое древнее лицо, сохранившееся в народной памяти, в которой Парнаваз, а не Картлос, занимал первое место. Мы видели, что автор, поставив Картлоса во главе истории Грузии, не знал, что с ним делать: он и его потомки были выдуманы для объяснения происхождения названий племен и местностей. Совершенно в другом положении находится Парнаваз. В нем народ олицетворял известную ступень своего культурного развития и ему приписывал все те порядки, которые застал он в момент своего сознательного существования. Религия, язык, письменность, административное устройство страны – во всем видно участие Парнаваза. Он говорит автор, воздвиг кумир Армаз на горе, которая

с тех пор также стала называться Армазом. Далее, прибавляет он, – Персы самого Парнаваза называли Армазом. Это известие очевидно указывает на то, что в древности воздавали ему божеские почести, так как Армаз не трудно видеть переделку имени верховного иранского божества Аурамазды, принявшего у Армян форму Арамазда. Сам Парнаваз носил персидское имя, мать его была Персианка, и потому введение в Грузию религии Зороастра могло быть естественным последствием сближения с Персией.

Грузия, вследствие своего гористого положения, не могла на долго образовать большого сильного государства; но благодаря именно такому топографическому характеру местности, она имела все средства с легкостью защищать свою независимость от вторжения самых сильных соседей, если бы не подтачивал ее тот же недуг, который (**конец 271 стр.**) многие веками ранее положил конец политическому существованию Армении. Этот недуг – полное отсутствие политического понимания своего положения. Гористая территория, разделенная на множество отдельных кантонов, породила такое государственное устройство, при котором отдельные владельцы и князья имели легкую возможность не давать образоваться сильной центральной власти и всеми мерами ослаблять ее, если таковая пыталась возникнуть. К единоначалию пришла Грузия довольно поздно, а до того времени была разделена на несколько отдельных владений, более или менее самостоятельных. И это явление объясняется автором не какими-либо историческими причинами, а прямо приписывается административному распоряжению Парнаваза, разделившего Грузию на восемь эриставств. Таким образом, оказывается, будто древние княжеские роды и высшее дворянство Грузии обязаны своим происхождением Парнавазу. Но и низшее дворянство ведет от него свое начало. Тысяча Греков (у Вахтанга – Римлян) из войска Азона перешли к Парнавазу, который распределил их по равным кантонам Грузии. Он назвал их Азонаци, то есть, Азонцами, и постоянно выказывал им свое расположение. В Редакции Вахтанга, вместо Азонаци, стоит более верный термин Азнаури, титул низшего дворянства в Грузии. При этом не лишено значение об иностранном происхождении этого класса дворян, выставленных приверженцами царской власти. Возникавшая центральная власть, только что вышедшая из борьбы с вассалами победительницею, должна была для своей опоры создать новое дворянство, вполне от нее зависимое. Такой класс людей легче всего можно было вербовать из иностранцев, с помощью которых власти удалось одолеть своих соперников. Антагонизм между высшим и низшим дворянством ярко

выступает при сыне и наследнике Парнаваза, Саурмаке. В царствовании Парнаваза, уверяет автор, – народ говорил: «Благодарение судьбе, давшей нам царя из рода предка нашего Картлоса». И вдруг в начале царствования сына его Саурмака, читаем: «Задумали князья умертвить Саурмака, чтобы не служить своему, (предпочитая) служить чужому, кто одержит верх». Это место будет понятно, если мы повторим наше предположение, высказанное выше. Парнаваз, объединяя Грузию, должен был стеснить самостоятельных владетельных князей Грузии и подчинить их себе. В то же время, для усиления своей власти, он должен был содействовать возникновению нового дворянства, (**конец 271 стр.**) хотя и более бедного, но вполне ему преданного. Князья, конечно, не могли забыть своих попранных прав и тех льгот, которыми они пользовались до Парнаваза, но чувствуя его силу, должны были на время смириться. После же его смерти, заметив, вероятно, слабость нового правителя, они решились возвратить себе свободу и признать своим главой иноплеменника, от которого могло ждать милости за свою ему преданность. Но не так думало низшее дворянство, обязанное всем царской власти. Азонцы, говорит автор, - отправились к бежавшему Саурмаку, выразили ему свою преданность и помогли ему одолеть врагов и вернуть свое царство. Далее автор говорит: «Саурмак возвеличил Азонцев (низшее дворянство) и унижил Иверов (то есть, князей; в Редакции Вахтанга – Картлосидов). Он поселил половину потомков Кавказа в Мтиулете, возвел их в звание нахараров и назвал их своими приближенными. И так, мы видим в Парнавазе вводителя религиозного и гражданского благоустройства в Грузии.

Точно также Парнавазу приписывается изобретение грузинских письмен. Чтобы выразить, каким благосостоянием наслаждалась Грузия при Парнавазе, автор говорит, что она во всем устроилась по образцу Персидского государства. В этих словах выражается идеал гражданского и государственного устройства страны.

Но замечательнее всего то, что говорит автор в конце описания царствования Парнаваза, а именно: «Парнаваз дал приказание всей стране говорить по-грузински». Из последнего обстоятельства еще яснее вытекает, что народ считал своим родоначальником именно Парнаваза, а не Картлоса, при котором не существовало еще грузинского языка, а Грузины говорили по-армянски. О том, что Парнаваз лицо не вымышленное, мы имеем свидетельство одного армянского писателя IV века, Фауста Византийского. В

кн. V, гл. 15 он говорит: «Спарпет Мушег пошел войной на царя Грузинского, сильно стеснил его и опустошил всю страну Грузинскую (Врац). Он предал мечу всех дворян и все роды нахарарские (княжеские), которых встретил. Он же приказал распять на кресте поколение Парнавазиян» и т. д. И так, если в IV веке существовало поколение Парнавазиян, то есть, Парнавазидов, то очевидно, их считали потомками Парнаваза. Вероятно, эти Парнавазиды в среде грузинского дворянства занимали особенное положение, или может быть, принадлежали к царскому дому, **(конец 272 стр.)** так как Фауст делает различия между ними и другими грузинскими князьями.

Из всего вышеизложенного вытекает, что Парнаваз – самое раннее историческое лицо в Хронике, и им, а не Картлосом, анонимный автор должен был начать свою летопись... Но я вышел из своей рамки. Скромная задача моя заключается не в исследованиях по Истории, а в оценке Армянской Хроники, в которой до эпохи нами рассматриваемой ничего исторического не сохранилось. Союз с Антиохом, нахождение в пещере сокровищ, борьба с Азоном, война с Греками – все это факты, никогда в действительности, не имевшие места. Напрасный труд предполагает за ними историческую подкладку, как это делает Броссе. Точно также лишняя трата времени стараться извлечь из сообщений автора какие-либо хронологические выводы. Из слов летописца выходит, что Парнаваз жил тотчас после Александра Великого, так как он ведет войну с Азоном, которого Македонский царь назначил правителем Грузии. Если так, то как согласить это обстоятельство с известием о войне Греков с Римлянами и существованием Тифлиса, о чем упоминается несколько раз, не смотря на то, что сам автор утверждает далее, что Тифлис был основан семью столетиями позже Александра, Вахтангом I? Желая, во что бы ни стало определить эпоху Парнаваза с помощью хронологических данных Вахушта, Броссе путается в исчислениях, и конечно, не достигает никаких результатов. А что такое данные Вахушта? (См. Hist. de la Georg. I, 39.) Не смотря на то, что в рассказе о царствовании Парнаваза мы усматриваем кое-какие следы народных воспоминаний, самый рассказ ведется так бесцветно и неопределенно, что в нем не заметно ни одной черты, характеризующей древнее сказание.

К § 11. Период времени, протекший от смерти Парнаваза до Р. X., рассказан автором весьма сжато; к тому же он не имел ясного понятия о том, как велик был этот период. Если допустить, что Парнаваз стал царствовать в

300 году, год его смерти должен быть 235 до Р. Х. , так как он правил 65 лет. Начиная с Саурмака и до Р. Х. прямых нисходящих поколений было пять, то есть , 47 лет на поколение, а царствований было восемь, то есть, почти по 30 лет на царствование. В армянском тексте почти нет известий о продолжительности отдельных царствований. В Редакции Вахтанга (в переводе) приведены цифры по Вахушту, по которому вы- **(конец 273 стр.)** ходит, например, что Парнаджум умер в 93 году до Р. Х., а сын его вступил на престол только в 33 году. Из восьми царей, двое называются Арбаками (читай: Аршак), двое других Мрванами. Это последнее имя имеет арабский характер. Следовало ожидать: Михран или Мириан. Все восемь преемников Парнаваза, хотя и проводят все время в войнах с солдатами, то есть, с Армянами, Персами и Кавказскими Горцами, но эти войны вовсе не оживляют исторической пустыни упомянутой эпохи, так как автор не описывает действительные войны, а фантазирует по поводу бывшего, может быть, столкновения Грузин с соседями. Никаких положительных известий он не сообщает. То было время царствования Аршакидов в Персии и Армении и Селекидов в Сирии. Ни одного из имен известных нам из других источников этой эпохи, не встречается в этом рассказе, и только частое повторение имени Арбак (Аршак) указывает на то, что автору известна была династия Аршакидов армянских по Хоренскому.

Из других приемников Парнаваза один назвался Артак. Это имя Броссе сближает с Артоком Диона Кассия. Такое сближение можно допустить относительно имен, а не исторических лиц, та как на сходстве имен и оканчивается сближение. Аноним ничего не находит сказать о двухлетнем царствовании Артака, тогда как Артокес Диона Кассия принимал, хотя и непродолжительное, но деятельное участие в войне Помпея с Митридатом. Как бы то ни было, за исключением этого имени, во всем рассказе за 230-летний период нет ни одного следа исторических фактов. На этом мы остановимся в своем разборе Армянской Хроники.

Проследив рассказ автора от времен столкновения до эпохи Рождества Христова, и разобрав ряд его вымыслов и заимствований, мы убедили себя, и надеемся, также читателя в том, что во всем изложении автора не встречается почти ни одного исторического факта, ни одного подлинного народного предания. При этом мы пришли к нескольким положительным выводам и высказали большое число предположений. Насколько те и другие основательны, покажут дальнейшие исследования.

конец 274 стр. оригинала